

Узакшыны дзетектыў

Г•А•Л•И•Н•А

КУЛИКОВА

Держи карман шире,
или Нагие намерения

Изящный детектив от Галины Куликовой

Галина Куликова

**Держи карман шире,
или Нагие намерения**

«ЭКСМО»

Куликова Г. М.

Держи карман шире, или Нагие намерения / Г. М. Куликова — «Эксмо», — (Изыщный детектив от Галины Куликовой)

ISBN 5-699-18158-X

Шургин и пальцем не пошевелил бы ради Дианы Звенигородской! Но по закону подлости именно эту карьеристку и вредину похитили прямо у него на глазах. Для того чтобы спасти несносную барышню, ему пришлось собрать маленькое войско – Алекса Душкина, ловеласа и изрядного болвана, бывшего мента Власкина, уволенного из органов за темные делишки, и секретаршу со стажем Клару – решительную и бесстрашную. Однако освобождением пленницы дело не закончилось! Бандиты по-прежнему сидели у Дианы на хвосте и требовали отдать некое сокровище. Самое забавное, что Диана понятия не имела, о чем идет речь! Может быть об исчезнувшем зеленом алмазе ее бабки? Никогда прежде Шургину не приходилось разгадывать загадки с помощью словарей, астрономии и жареных кур! Впрочем, и девица, ради которой он рисковал жизнью, оказалась не такой уж противной. Даже совсем наоборот...

ISBN 5-699-18158-X

© Куликова Г. М.

© Эксмо

Галина Куликова

Держи карман шире или Нагие намерения

Диана Звенигородская возненавидела его с того самого момента, когда он отсек ее от сильной половины человечества.

– Тут дамочка хочет высказаться, – привлек он внимание президента компании к нетерпеливо ерзающей на своем месте девице.

Его острый взгляд уперся в ее нахмуренный лоб, потом попробовал прозондировать глазное дно, но наткнулся на препятствие – стекляшки в золотой окантовке, зацепленные за уши. За правое ухо она еще пыталась заправить прядь волос, но та упорно вываливалась обратно и падала на пылающую щеку. У нее был короткий надменный нос, узкий подбородок и большой рот – вызывающе пухлый.

Тогда Шургин еще не знал ни ее имени, ни должности, но, вероятно, она решила, что это его никоим образом не оправдывает. Эту «дамочку» она подхватила на лету, чтобы через несколько секунд швырнуть ему в лицо.

– Прошу вас, Диана Витальевна, – вежливо сказал президент компании Невредимов и повел в сторону девицы рукой, словно та была примой, осчастливившей сцену провинциального театрала.

Перед началом совещания он представил Шургина руководящему составу как своего личного помощника. Да, это была во всех отношениях удобная должность. Она позволяла новичку повсюду совать свой нос, получать любую информацию и при этом держаться от остальных сотрудников на расстоянии.

Судя по всему, Диана Звенигородская твердо решила сделать это расстояние максимальным.

– Прежде всего хочу заметить, что дамочки гуляют по бутикам, скупая сумочки из крокодиловой кожи. А я заместитель начальника службы заказчика.

Одним взглядом она сняла с Шургина скальп и с победным видом потрясла им над головой. Кровь весело капала с ее ирокезского ножа.

Позже он узнал, что девица присутствовала на подобном совещании впервые – пришла вместо заболевшей руководительницы. Конечно, она волновалась, потому-то и сжимала так крепко в руках папку с отчетом. Шургин сразу обратил внимание на отчаянно побелевшие костяшки ее пальцев. Это было его работой – замечать всякие мелочи, несоответствия, несоотыковки и находить им объяснение.

Дело в том, что Захар Петрович Невредимов считал, будто среди его сотрудников завелся шпион, торгующий секретами компании. Его личные подозрения пали на человека из внутренней службы безопасности, потому-то и пришлось нанять эксперта со стороны. Он нанял Шургина и не прогадал. К настоящему моменту шпион был обнаружен, ловушка для него подготовлена, оставалось только схватить негодяя за руку. Впрочем, этим займутся другие.

После того знаменательного совещания прошло три недели. Итак, сегодня вечером личный помощник Невредимова исчезнет так же внезапно, как и появился. Вряд ли кто-нибудь удивится или станет сожалеть о нем. Друзей он себе за время пребывания в компании не завел, а вот врагов – сколько угодно. Шургин шел по коридору к кабинету директора для окончательного расчета. Но едва свернул за угол, как она налетела на него – маленькая фурия в очках и со встрепанной макушкой. У нее был красный рот и красные когти, которые она, кажется, собиралась вонзить прямо в его расслабленное тело. Шелковый воротник трепетал на тонкой шее, грудь устрашающе вздымалась.

– Ага! – воскликнула она голосом мятежника, призывающего вздернуть капитана на рее. – Это вы!

– Ну да, – осторожно ответил Шургин, ощупывая ее глазами сверху донизу, вплоть до легкомысленных туфель, которые бесстрашно наступали на его солидные ботинки.

Однажды волоокая весталка проткнула ему руку пилочкой для ногтей, и с тех пор он стал относиться к разъяренным женщинам с не меньшей серьезностью, чем к опытным рецидивистам.

– Это правда, что в понедельник начинают рыть? – спросила она таким тоном, будто уже застала его с лопатой над преступно выкопанной лункой.

– Что рыть? – глупо переспросил Шургин.

Он и в самом деле не понимал, о чем речь. В общем и целом он, конечно, разбирался в процессах строительства, но не настолько, чтобы действительно принимать решения или квалифицированно комментировать их.

– Котлован! – Девица метала слова, словно японский ниндзя смертоносные сюрикены. – Вы сказали Кравцову, что он должен начинать рыть котлован уже в понедельник! Это не лезет ни в какие ворота! То, что отдел капитального строительства технически готов, еще ничего не значит!

– Послушайте, я всего лишь озвучил распоряжение Захара Петровича, – пожал плечами Шургин. Он наслаждался яростью в ее синих застекленных глазах. Маленькие сердитые женщины смешили его, как комнатные собачки, самозабвенно твякающие с рук пенсионерок. – Идите к нему на прием и...

– Он меня не принял!

– Вот видите.

– Но вы его правая рука, так что вам придется все выслушать и передать по инстанции! Вы не можете поддерживать решения, которые грозят обернуться неприятностями для нашей компании! – Теперь в Шургина, кувыряясь и повизгивая, летели восклицательные знаки, которые оказались в хвосте возмущенной тирады.

– Почему не могу? Могу.

– Значит, вы просто... Вы просто... – Слово «болван» прыгало у нее на губах, и она с трудом заставила себя его проглотить. – Некомпетентны! И не соответствуете занимаемой должности!

– Ну ладно, – сказал гипотетический болван, опасаясь, что она начнет визжать еще громче. – Что не так с этим котлованом?

– До сих пор нет надлежащих документов, не согласованы проекты в инстанциях! Под вопросом разрешение местной администрации на застройку земельного участка! Какое рытье котлована?! Первая же проверка жилищной инспекции или милиции – и мы попадем на штрафы!

– А почему же вы так медленно работаете? – с важным видом спросил он. – Ведь это вы должны все согласовать?

– Но я еще не получила бумаги от юристов!

– Вот, – удовлетворенно кивнул он. – Даже от юристов вы не можете ничего добиться.

– Да вы просто не понимаете, о чем говорите! Как я могу все от всех получить за неделю? Есть вещи, которые нельзя ускорить, потому что нельзя!

Однажды он видел фонарный столб, внутри которого произошло короткое замыкание. Со страшным треском из него сыпались искры и прыгали по асфальту. Она напоминала ему этот столб. Пожалуй, придется принимать экстренные меры.

– Вы никогда не станете начальником отдела, – сказал он. – У вас слишком вздорный характер. Простая докладная записка гораздо действеннее и гигиеничнее той порции слюны, которую вы на меня израсходовали.

Ее конница была скошена короткой пулеметной очередью. Она раскрыла рот, сверкнув передними зубами, крупными, как у ребенка, и замерла на полуслове.

В этот самый момент со стороны лифта появился среднего роста брюнет лет тридцати на вид, с круглой красивой мордой и походкой кота, обожаемого местными Мурками. Тяжелый рельефный верх контрастировал с узким спортивным низом. Самодовольная улыбка венчала это творение природы, облаченное в модные тряпки и мягкие белые ботиночки фирмы «Комфорт джентльмена».

Приблизившись, брюнет мазнул по лицу Шургина делано равнодушным взглядом, потом протянул руку и ущипнул Диану Звенигородскую за мягкое место. Ее лицо мгновенно исказилось и приобрело свекольный цвет. Она вдохнула в грудь много-много воздуха и уже собралась извергнуть из себя все запасы негодования, когда увидела, кто позволил себе подобную наглость.

– Привет, Дианочка! – сказал брюнет, не замедляя хода.

Девушка мгновенно сдулась, как проколотый воздушный шарик.

– Привет, Алекс, – выдавила она из себя, кинув на Шургина вороватый взор.

«Ничего себе! – подумал тот. – Выходит, все эти фу-ты ну-ты не более чем поза. На самом деле мы банальная карьеристочка. Интересно, что за мужик? Не сотрудник компании, это точно. Какой-нибудь важный клиент? Соинвестор?»

Пока он соображал, кто это может быть, в конце коридора распахнулась дверь директорской приемной, и сам Невредимов возник на пороге.

– Алекс! – воскликнул он с явным неудовольствием.

– Салют, дядя.

Дядя! Вот оно что. Шургин смерил Диану Звенигородскую насмешливым взглядом и сказал:

– Если ваше красноречие иссякло, я откланиваюсь.

Хотел напоследок хлопнуть ее по плечу, но не рискнул, решив, что в таком случае она его укусит. Дамочки всегда злятся на тех мужчин, которые видели миг их позора.

– Олег Павлович, заходите, – потребовал тем временем Невредимов, выглянув из-за широкой спины племянника. – Я вас ждал.

Шургин вошел в приемную и наткнулся на секретаршу президента, которая стояла посреди комнаты с вытаращенными глазами. Вероятно, Алекс и ее успел ущипнуть за мягкое место, потому что рожа у него была абсолютно счастливая.

– Если бы я руководил какой-нибудь фирмой, – заявил он, потирая руки, – у меня бы работали только блондинки.

«Клинический случай, – подумал Шургин. – Завышенная самооценка и мозг размером с леденец на палочке».

– Алекс, у меня совершенно нет времени, – раздраженно заявил Невредимов, не препятствуя, однако, проникновению племянника в свой кабинет.

Тот вошел туда, как к себе домой. «Интересно, где он был те три недели, пока я вел расследование? – подумал Шургин. – Это просто счастье, что он не болтался тут, иначе точно сбил бы меня со следа».

– Кстати, познакомься, это Олег Павлович, – буркнул Невредимов. Ему явно не хотелось продемонстрировать племянничка кому бы то ни было.

– Рад, очень рад, – откликнулся Алекс, показав тщательно отбеленные зубы с выступающими клыками. – Разрешите представиться: Алекс Душкин. Заменить одну букву – и получится Пушкин. Ха-ха-ха! Я отвлеку дядю всего на минуточку. Дело чрезвычайной важности. – Он повернулся на каблучках и сообщил: – В меня опять стреляли!

– Неужели? – равнодушно спросил Невредимов, усаживаясь за свой стол и закуривая. – И ты снова остался в живых? Какое нечеловеческое везение!

– У меня есть доказательство. – Алекс закатал рукав рубашки и продемонстрировал заманную йодом свежую царапину довольно устрашающего вида. – Ну, и что ты на это скажешь?

– Тебя наверняка поцарапала какая-нибудь дикая кошка, которую ты подцепил в ночном клубе.

– Это была пуля! – возмутился племянник и, застегнув манжету, резюмировал: – Мне нужна личная охрана.

– Ну да. Сейчас я службу безопасности подниму на уши и брошу на твою защиту.

Алекс сердито засопел и повернулся к Шургину, который слушал разговор с ничего не выражающим видом.

– В меня стреляли трижды! Неизвестный киллер решил оборвать мою жизнь...

– Киллеры убивают с первого раза, – мгновенно возразил Невредимов. – У тебя есть свидетели?

– Да. Одна женщина слышала, как в момент попадания пули я сказал: «Ай!» Она дала мне номер своего телефона.

– Кто бы сомневался.

– Наверное, придется идти в милицию.

– Ну, вот что, – хлопнул ладонью по столу Невредимов. – Будь вечером у матери. Я заеду после девяти, и поговорим обстоятельно, хорошо?

Когда Алекс вышел, с широкой улыбкой помахав рукой сначала дяде, а потом и Шургину, тот спросил:

– Вы не беспокоитесь на его счет?

– Конечно, нет! – воскликнул Захар Петрович. – Это очередная выдумка, новый способ выманить у меня деньги.

Шургин решил, что так оно и есть. Однако когда позже вышел из офиса строительной компании и увидел впереди Алекса, который двигался к стоянке машин, невольно стал оглядываться по сторонам. Кто его знает? Может, этого котяру и в самом деле кто-то решил пристукнуть? Не хотелось бы попасть на линию огня.

Алекс между тем неожиданно изменил направление и свернул в сторону кафе, находившегося на дальнем конце стоянки. Тут только Шургин заметил, что племянничек Невредимова движется по стопам не кого-нибудь, а той самой карьеристочки, которая напала на него в коридоре. Он немедленно позавидовал ее мышечному корсету – она так прямо держала спину, что хотелось подойти и стукнуть ее между лопаток. В правой руке девица несла портфель – не усталый и потрепанный, разбухший от бумаг, а новенький, тощий, голодный до работы. В левой она сжимала маленькую сумочку, которая вряд ли могла иметь утилитарное значение. Это изделие больше напоминало кошелек, и все его содержимое легко могло уместиться в одном кармане.

Покачивая бедрами, карьеристочка поднялась по ступенькам и вошла в кафе. Алекс Душкин последовал за ней. Шургин решил, что, пожалуй, стоит зайти в это заведение и поглядеть, как будут развиваться события. Он ни за что не хотел пропустить представление. Судя по всему, племянник Невредимова положил на девицу глаз и собирается к ней приставать. Она же, как уже стало ясно, не хочет ссориться с родственником босса. Шургину страстно захотелось стать свидетелем ее унижения.

Женщин время от времени нужно ставить на место. Они уже и так отвоевали у мужчин слишком много прав. Сначала нацепили брюки, потом принялись осваивать мужские профессии, полезли в политику... На дорогах, куда ни глянь, одни бабы. Ездят с наглыми физиономиями, будто так и надо. Недавно одна дура влетела в него на светофоре. Когда он к ней подошел, она красила губы и повернулась к нему вместе с пудреницей. Он даже разговаривать с ней не стал – сел за руль и уехал с помятым бампером.

Однако, очутившись в кафе, Шургин испытал острое разочарование. Девица сидела за одним столиком, а Алекс Душкин – совсем за другим, хотя и пялился на нее весьма откровенно. Развлечение, судя по всему, отменялось. Олег уже хотел развернуться и уйти, но тут в

кафе зашел еще один тип. Шургин повернул голову и успел заметить взгляд, который вновь прибывший бросил на карьеристочку – слишком острый, слишком быстрый. Тот, впрочем, сейчас же отвел глаза, протопал мимо стойки и устроился в темном углу, откуда открывался отличный обзор. Шургин сам собирался занять этот столик, и такой выбор неизвестного типа ему не понравился.

Девушка держала меню перед глазами и изучала его, сдвинув брови, словно это не меню, а медицинское заключение, сообщающее о состоянии ее печени. Не было никакого смысла делать вид, что они незнакомы, поэтому, проходя мимо, Шургин беспечно сказал:

– Привет.

Вместо ответа она подняла меню повыше и демонстративно загородилась от него. Зато Алекс Душкин весело помахал ему рукой. Шургин поспешно приложил к уху мобильный телефон, демонстрируя чудовищную занятость, чтобы племянничек Невредимова случайно не захотел переселиться к нему за столик.

Он сел наискосок от незнакомца, с целью на всякий случай держать его в поле зрения. Это был полноватый тип с рыхлым мучнистым лицом. Кривой нос хранил следы старой драки, а губы казались блеклыми, как будто стерлись от времени. В набор должны были входить маленькие глазки, однако природа наделила его глазами большими и красивыми, как у какой-нибудь грузинской княжны.

Незнакомец заказал бутылку минеральной воды и, наполнив стакан до краев, стал без удовольствия пить. На девушку он не обращал ровным счетом никакого внимания. И это тоже было подозрительно: она сидела прямо напротив него – свеженькая, словно маргаритка, обрызганная росой, с этим своим красным ртом и круглыми коленками, выглядывавшими из-под юбки. Женщины всегда умеют усестись таким образом, чтобы продемонстрировать все лучшее, что у них имеется.

Алекс Душкин пожирал ее глазами, прихлебывая чай, от которого валил пар. Вероятно, у него были не только оловянные мозги, но и оловянный язык. Шургин заказал себе чашку кофе и, пока расправлялся с ней, ответил на несколько телефонных звонков. Девушка тем временем слопала какой-то салатик и, ни на кого не глядя, двинулась к выходу. Надо сказать, что белолицый вышел немного раньше, когда она еще только попросила счет. За свою воду он заплатил сразу, и его ничто не задерживало.

Шургин не собирался нестись за ней сломя голову. Однако кое-что заставило его подняться с места. Он услышал, как снаружи взвизгнули шины – так, как будто некий автомобиль резко тронулся с места. Окно было слишком далеко, кроме того, его завесили веселой шторкой, и рассмотреть, что делается снаружи, не представлялось возможным. Алекс Душкин выскочил на улицу прямо перед его носом. Теперь он стоял на крыльце и растерянно озирался по сторонам. Шургин присоединился к нему и тоже огляделся вокруг.

Девушки нигде не было. Хотя стоянка лежала перед ними как на ладони.

– Она уехала? – спросил он Алекса, поглядев на шоссе, по которому весело бежали два встречных потока машин. – Что-то слишком быстро.

– Как будто испарилась, – согласился тот.

– А это что такое? – удивился Шургин и, сбегав по ступенькам, поднял с асфальта маленькую лаковую сумочку.

– Отдай! – сказал Алекс и попытался вырвать сумочку у него из рук. – Это Диана уронила. Я ей верну при личной встрече.

– О встречах нужно договариваться заранее, – Шургин спрятал сумочку за спину и принялся оглядывать окрестности в поисках людей, которые могли что-то видеть.

Двое мужчин неподалеку садились в машину, он успел их остановить и расспросить. Однако они не заметили ничего подозрительного. Охранник тоже оказался никудышным

наблюдателем – он сидел в будке на другом конце стоянки и вовсе не интересовался тем, что там происходит возле кафе.

– Чего ты так взволновался? – спросил Алекс, решив, что они с Шургиным уже почти приятели и могут не выкатать. – Диана торопилась и обронила сумочку.

– Обронить сумочку, в которой... – тот щелкнул замком и перечислил: – Ключи, мобильный телефон, паспорт, кошелек и губная помада? Маловероятно. Думаю, сумочку она выронила в тот момент, когда на нее напали.

– Напали? На Диану?

– Ты видел того беломордого типа, который вышел за миг до нее? Он тоже испарился. Это неспроста.

Они вдвоем вернулись в офис и рассказали о своих подозрениях Невредимову.

– Полагаю, Захар Петрович, вам следует вызывать начальника службы безопасности, – сказал Шургин. – Учитывая происходящие на фирме события...

– Не думаю, что нужно поднимать панику, – нахмурился тот. – В конце концов, вы только предполагаете, что Диану похитили. Может быть, за ней просто заехал муж.

– Она замужем?! – Шургин так удивился, как будто маленькие вредные женщины по определению не могли иметь мужей. – Что-то я не заметил на ее пальце обручального кольца.

– Они не живут вместе, – самодовольно пояснил Алекс. – Я специально разузнал, потому что решил приударить за Дианой.

– Ты опять о своем! – закричал Невредимов. – Кроме юбок, тебя еще хоть что-то интересует?

– Естественно, – искренне ответил тот. – Зимняя охота.

Дядя кинул на него усталый взгляд и повернулся к Шургину:

– Вечером я позвоню Диане Витальевне домой.

– А если она не ответит?

– Тогдаждемся завтрашнего дня. Утром совещание, на котором она должна присутствовать. В любом случае ваша работа на фирме закончена.

Сомнений не было – ему предлагали убраться. Шургин отсалютовал, пожелав клиенту удачи и процветания. Он думал, что Алекс потащится вслед за ним и будет доставать его разговорами, однако тот предпочел остаться с дядей. Что ж, вот и все. Его миссия в самом деле завершена.

Дел у него на сегодня больше не запланировано – никаких назначенных встреч, отложенных визитов, срочных звонков. Идти было решительно некуда. Разве что отправиться домой и сделать уборку? Он с тоской подумал о том, как там тихо и пусто – только холодильник иногда подает признаки жизни. Возможно, пытается напомнить своим ворчанием, что в его чреве еще с прошлого года лежит замороженная курица, которую Шургин купил во время приступа хозяйственной активности для торжественного случая. Ни одного торжественного случая с тех пор так и не выдалось.

Может быть, ему пора жениться? Он поморщился и даже испытал некое подобие страха. Жена представлялась ему бременем, которое придется нести днем и ночью. Вдруг в один прекрасный момент у него разладятся дела? Она ведь не захочет питаться хлебом и чаем. Женщинам требуется другая пища, человеческая. И ей нужно будет покупать одежду, и косметику, и оплачивать всякие дорогие глупые покупки. И еще она потребует, чтобы он сделал ремонт и поменял машину на более престижную. А потом родится ребенок, которого он, конечно, будет любить. А жену к тому времени уже разлюбит. И ему не захочется возвращаться в дом, где и ремонт, и еда в холодильнике... Нет, жениться не стоит.

Но – ничего страшного, он не один такой. За последние годы жизнь сильно изменилась. Сейчас в моде прочные отношения, расписываться вовсе не обязательно. Шургин решил, что сегодняшний вечер просто предназначен для того, чтобы начать строить эти самые прочные

отношения. Ему нужна продвинутая спутница жизни, которая твердо стоит на ногах и не станет готовить для него брачные ловушки. Он принялся перебирать в уме знакомых женщин и пришел к выводу, что все более или менее привлекательные, если даже и зарабатывают себе на жизнь, все равно мечтают найти мужа, который будет о них заботиться. Пожалуй, одна только Наталья Машкова подходит ему по всем параметрам. У нее собственная жилплощадь и неплохая фигура. К фигуре прилагается ученая степень со всеми вытекающими отсюда последствиями. Впрочем, выбирать не приходится.

Шургин купил торт, красивый букет, запакованный в блестящую трескучую бумагу, и отправился к Наталье. Звонить было необязательно – она наверняка дома и наверняка одна.

– Олег? Какой сюрприз! – сказали его предполагаемые «прочные отношения», широко распахнув дверь навстречу непрошеному гостю. – Это мне? Спасибо, вот уж не ожидала.

Она приняла цветы, поднесла их к носу и вдумчиво понюхала. Одетая она была по-деловому, в строгое платье, которое откровенно портили домашние тапочки.

– Ты только что пришла? – спросил Шургин, вручая ей заодно и коробку с тортом.

– Да нет, я уже давно дома. Просто присела на минуточку к компьютеру и заработалась. Хорошо, что ты меня отвлек. Следует хоть иногда расслабляться.

– Вот именно, – охотно подхватил Шургин. Нет, Наталья точно соответствует всем его жизненным запросам: умна, независима, не привязчива. – Ты ведь сегодня свободна? У тебя работа не горит? Можем мы провести хоть немножко времени вдвоем?

– Конечно, Олег, – кивнула Наталья. – Конечно, можем!

У нее была хорошая улыбка. Правда, лицо слегка полноватое, даже щекастое, можно сказать. И с тех пор, как они не виделись, у нее наметился второй подбородок. Лак на ногтях облупленный. Даже странно! Во всех женских журналах пишут, что руки – это визитная карточка женщины. Впрочем, Наталья читает не глянцевого, а научные журналы, и ее за это стоит уважать.

Он прошел в комнату, где работали все имеющиеся в наличии приборы – осветительные в том числе. Круглая люстра обогревала свою маленькую вселенную, в дальнем углу заливался светом торшер. Синий глаз монитора пристально взирал на пришельца, а телевизор разговаривал голосом известной дикторши, комментирующей новости дня.

Наталья отнесла торт на кухню и вернулась с двумя бокалами.

– Выпьем вина? – предложила она, придвинув к дивану маленький столик.

Принесла диковинную узкогорлую бутылку и начала возиться с пробкой. Шургин отобрал у нее штопор, ловко вывинтил пробку и разлил вино по бокалам.

– Криминальная хроника, – тем временем сказала дикторша, на которую Шургин все это время поглядывал краем глаза.

Ему нравилась ее намеренная деловая элегантность, которую только подчеркивал черный жучок микрофона, прикусивший край жакета.

– Чем ты сейчас... – открыла было рот Наталья, но Шургин немедленно прикрикнул на нее: «Ш-ш-ш!»

Потому что дикторша только что произнесла знакомую фамилию.

– Сегодня днем совершено покушение на владельца сети туристических агентств «Легкая поездка» Дениса Звенигородского. В автомобиль бизнесмена, оставленный на стоянке возле центрального офиса, было подложено взрывное устройство. Взрыв раздался, когда за руль сел его личный шофер. Шофер погиб на месте, Звенигородский, находившийся в нескольких метрах от автомобиля, в тяжелом состоянии доставлен в больницу. Начато следствие.

– Понятно, – пробормотал Шургин и поставил свой бокал обратно на столик. Потом потер щеки руками и добавил: – Ситуация проясняется.

С хмурым видом поднялся на ноги и сказал:

– Извини, Наталья, но мне надо идти. Обстоятельства резко изменились.

Вероятно, время для строительства серьезных отношений еще не пришло. Личная жизнь – такая вредная штука, которая либо устраивается сразу и сама собой, либо не устраивается вовсе, сколько бы сочувствующих друзей и родственников ни участвовало в процессе. Количество приложенных усилий тоже не имеет значения.

– Ты, конечно, предупреждал, что мы проведем вместе немножко времени, – растерянно сказала Наталья, семеня за ним в коридор. – Но я не думала, что *настолько* немножко.

Чтобы хоть как-то ее приободрить, Шургин наклонился и на прощание поцеловал ее в лоб. Секунду помедлил, наклонился еще раз и поцеловал в щеку. Сделал, так сказать, вклад в их общее будущее. Если он решит на ней жениться, она, наверное, согласится. Может быть, поудивляется немножко для приличия, а потом скажет: «Да!» И бросится ему на шею. Все женщины, получив предложение руки и сердца, страшно радуются, независимо от того, собираются они его принимать или нет. Тщеславные создания!

Он ехал на первый этаж и намеренно забивал себе голову всякой чепухой. Потому что в лифте не работал мобильный и не было возможности немедленно начать действовать. Но как только он очутился на улице, сразу же ринулся в бой. Через четверть часа он уже знал, в какую больницу отвезли Дениса Звенигородского, и отправился туда. Если с его женой все в порядке, она сейчас наверняка рядом с мужем – какие бы там отношения у них ни сложились.

Карьеристочки в больнице не было. Он расспросил тут и там, не видел ли кто плачущую молодую женщину с медового цвета волосами до плеч, в очках и, возможно, с портфелем в руках. Результат был отрицательным. Тогда он пококотничал с регистраторшей, заплатил лифтеру и провел короткую операцию по обезвреживанию дежурной медсестры реанимационного отделения. Медсестра оказалась девушкой бывалой и сдалась только после мощного штурма – потребовались деньги, конфеты, обещания и даже один долгий поцелуй в запястье, пахнущее антисептиками.

– Его жена была здесь, – шепнула она Шургину в ухо, коснувшись его влажными губами. – Но как раз сейчас ее увозят.

– Как это увозят? – опешил тот. – Кто? – Он ничего не понимал. – Она что, обезумела от горя?

– Ну, что вы, в самом деле! Женщина еще не приходила в сознание.

– О чем это вы говорите? Разве с ней... что-то случилось?

– Ну конечно! А вы не знали? Звенигородская поступила к нам уже после того, как привезли ее мужа. Автомобильная авария. Тут у нас и милиция была. Они говорят, женщина не справилась с управлением. Вероятно, ей позвонили и сообщили о том, что муж при смерти, вот она и... вильнула в сторону. Или по радио страшную новость услышала. Если придет в себя, расскажет.

– Что значит – если? – вскинул голову Шургин. – Она так плоха?

– Говорят, от машины почти ничего не осталось, – снова понизила голос медсестра, которую специально просили не распространяться о состоянии пациентки.

– А куда ее увозят? – заторопился он.

– В частную клинику. У нее медицинская страховка, предполагающая индивидуальный уход. А у нас тут особенно не развернешься, вы же понимаете.

– Как мне ее увидеть? – Он схватил медсестру за локоть и легонько потряс, глядя ей прямо в глаза проникновенным взглядом.

Она громко вздохнула и бросила:

– Идите за мной.

Завела его в какой-то маленький лифт в конце коридора и спустила в холодный кафельный коридор, выходящий прямо к стоянке спецтранспорта. Там, на улице, было светло и ясно. Летнее солнце пробивалось сквозь листву деревьев, складывая на асфальте затейливую мозаику. Со стороны казалось, что все в этом мире прекрасно и радостно.

– Почему ее увозят не из приемного отделения, а из какого-то... подполья?

– Понятия не имею, – пожала плечами медсестра и, погрозив ему пальцем, напомнила: – Вы мой должник!

И исчезла в полумраке коридора. Шургин выскочил на улицу и, сделав страдальческое лицо, бросился к носилкам, которые как раз заталкивали в машину «Скорой помощи». На носилках лежал кокон, на создание которого ушли километры бинтов. Голова тоже была забинтована, и только узкие щели обеспечивали приток воздуха к невидимым рту и носу пациентки.

– Диана! Дианочка!

Санитары отпихнули его, а тошенькая рыжая врачиха, прижимавшая к груди папку с бумагами, замахала руками и затопала:

– Вы что, молодой человек, с ума сошли? Вы ей навредите! Она под капельницей!

– Это ведь Диана Звенигородская? – разбавив голос слезами, уточнил Шургин. – Это ведь моя Диана?

Врачиха оторвала от груди папку и заглянула в нее, как будто сомневалась в том, кого перевозит.

– Да, голубчик, это Звенигородская. А теперь отойдите в сторонку.

– Вы уверены? – еще раз спросил он.

Потому что сам-то он был уверен в обратном. Из двух белых тубусов, ответвлявшихся от забинтованного ствола, выглядывали лишь кончики пальцев, но этого оказалось достаточно, чтобы сообразить, что к чему. Когда карьеристочка сегодня напала на него в коридоре, он обратил внимание на ее ногти – довольно длинные, округлые, покрытые ядовито-красным лаком. И позже, в кафе, она, помнится, держала в руках меню, а эти ногти казались на фоне белой обложки кровавыми отпечатками пальцев.

У той женщины, что скрывалась под бинтами, ногти были короткими, и на них виднелись остатки розового лака. Цвет лака был другим, нежным – никаких следов красного.

Итак, возле кафе на Диану напали. Вероятно, те самые люди, которые взорвали машину ее мужа. По крайней мере, это логичное предположение. Нужно сообщить о своем открытии следователям, которые ведут дело о покушении на Дениса Звенигородского. Милиции следует знать, что жена бизнесмена пропала, и выяснить, кого вместо нее отвезли в частную клинику.

Придется сделать анонимный звонок. Если сейчас появиться в поле зрения правоохранительных органов, они мгновенно навешают на тебя всех собак. Естественно, заподозрят в причастности. Начнут ковыряться в твоём бизнесе и доставать клиентов. И ты вляпаешься в это дерьмо с покушением на убийство по самые уши.

Он нашел подходящий таксофон, обернул руку платком и проинформировал дежурного по городу о своих подозрениях.

– Сегодня... это... взорвали машину Звенигородского. Говорят, что его жена попала в аварию. Так вот, значит, это все враки. Ее стукнули по башке перед кафешкой возле конторы, где она работает. Загрузили в машину и увезли. А в больницу засунули совсем другую бабу. Забинтовали и засунули. Если хотите – проверьте.

Он повесил трубку, размотал платок и промокнул им лоб. Потом, не оглядываясь, дошел до входа в большой магазин и смешался с толпой.

Наверное, надо было что-то делать, но Шургин понятия не имел – что. Пожалуй, если бы он своими глазами видел, как карьеристочке заломили руки за спину, заткнули рот кляпом, бросили в черный автомобиль, человеческое возмущение подсказало бы ему путь, по которому следует идти. Но он ничего не видел. Он мог только строить предположения. Первым пунктом шло, например, вот такое: Диана заплатила киллеру, который прикончил ее мужа. И решила скрыться с деньгами – возможно, общими семейными накоплениями. Липовая авария, изуродованное тело женщины, которую по ее страховке кладут в частную клинику. Возможно, там бедняжка и умрет. И будет похоронена в закрытом гробу – оправданием являются ожоги и

увечья. А настоящая Диана начнет новую жизнь на новом месте – скорее всего, там, где круглый год солнечно и пахнет пряностями.

Телефонный звонок застал его врасплох.

– Привет, Палыч, – сказала трубка сочным голосом Алекса Душкина. Шургин мгновенно узнал эту наглуую интонацию и закатил глаза. – У меня тут дилемма, как у Гамлета. Он тоже мучился вопросом: что делать?

– Откуда у тебя мой телефон?

– Узнал у дяди, – быстро ответил тот.

– Врешь.

– Ну, вру. Секретарша дядина дала. У нас с ней теплые отношения.

– Чего тебе надо?

Шургину вообще не хотелось вести с этим типом какие бы то ни было переговоры. Он решил, что сейчас Душкин предложит ему найти снайпера, который выпускает в него царапающие пули. И ошибся.

– Я возле дома Дианы, – заявил тот.

– Что ты там делаешь?

– Хотел отвезти сумочку и передать лично в руки. У меня виды на эту девушку, ясно тебе?

– И?

– Дома никого не оказалось, я сел в машину, но не успел отъехать, как увидел того типа из кафе.

Шургин мгновенно сделал стойку.

– С белой мордой?

– Ну да. Он пошел наверх, думаю, сейчас спустится. Хочу набить ему рожу. Пусть скажет, где Диана. Он ведь вышел прямо перед ней? И тоже исчез, верно?

– Не смей его трогать! – рявкнул Шургин. – Не сейчас, только не сейчас. Ты должен следить за ним. У тебя с мобильным телефоном все в порядке? Он не разряжен? И деньги на счете есть?

– Я же не голодранец! – важно ответил Алекс. – Значит, следить, говоришь?

– Я поеду за вами. Ты сориентируешь меня, ясно? Я перезвоню тебе через несколько минут – твой номер записался в память моего сотового. Только не отключайся.

Шургин нажал на кнопку и уже хотел было сунуть сотовый в карман, когда тот издал длинный жалобный писк и издох. Несколько секунд он тупо смотрел на него и лишь потом изверг из себя первое проклятие. Зарядное устройство лежало дома в ящике письменного стола. До дома было тридцать минут езды. Он мог бы позвонить Душкину из таксофона, но чтобы узнать номер, нужно сначала вытащить его из своего мобильного, для чего опять же следует ехать домой. То, что Невредимов ему не поможет, Шургин знал наверняка.

Захар Петрович, как и он сам, не захочет влезать в дело, связанное с покушением на убийство бизнесмена Звенигородского. И не позволит втянуть в него своего племянника. Шургин нажал на газ, и машина сорвалась с места. Остается только молиться, чтобы этот супермен Алекс не занялся самодеятельностью и не испортил все дело.

* * *

Она возненавидела его с того самого момента, когда он при всех назвал ее дамочкой. На большом совещании, где сидели люди, чье доверие она всеми силами старалась завоевать!

– Тут дамочка хочет высказаться.

Он был высокий и крепкий на вид, с тем снисходительным выражением на лице, которое присуще всем самовлюбленным мужикам. Мощный лоб, ленивые глаза, медленная улыбочка – Диану бесило в нем все абсолютно. И не только ее.

Личный помощник президента сразу же противопоставил себя всем остальным, повсюду совал свой нос, ссорился с сотрудниками, которые занимали ключевые посты, и обладал феноменальной способностью появляться неожиданно в самый неподходящий момент.

Он был абсолютно лишней прослойкой между Невредимовым и коллективом. Некомпетентной прослойкой. Тонкости, нюансы, подводные камни капитального строительства были для него тайной за семью печатями. Вместо того чтобы черпать знания у более опытных сотрудников, этот тип вступал с ними в постоянные конфликты. А уж ее, Диану, кажется, вообще не признавал за специалиста своего дела и не забывал фыркнуть, когда ей приходилось что-нибудь ему объяснять.

И сегодня то же самое! Она говорила ему про котлован, а он смотрел на нее с затаенной ухмылкой, как будто думал про себя: «Детка, твое главное оружие – не ум, а ножки в шелковых чулках. Занималась бы прической, маникюром и не лезла в те сферы, где мужчины правят бал».

Его собственная женушка наверняка была пустоголовой красоткой, которая с трудом дождалась окончания средней школы, чтобы отправиться на большое сафари за мужскими головами. Она как пить дать называет его своим диким котиком и жарко целует, когда он дает ей денег на итальянские сапоги и французское белье.

Диана ничего не имела против такого подхода к делу. В конце концов, девушки в большом городе выживают, как могут. Но вот мужчины! Они не видят никакой разницы между первыми и вторыми. И за здорово живешь унижают деловых, предприимчивых, сообразительных и успешных. Они постоянно твердят, что женщина за рулем – это катастрофа, хотя сами ездят пьяными, нарушают правила и матерятся на каждом светофоре. Некоторые носятся, как психи, принявшие амфетамин. Недавно один такой лихой казак просквозил мимо, снес ей боковое зеркало и даже не притормозил.

И еще этот племянник Невредимова! Появился не вовремя и, как всегда, со своим коронным номером. Ущипнул ее за мягкое место, как какой-нибудь шаловливый миллионер бедную горничную. Впрочем, на идиота даже обижаться не стоило. Зато какое удовольствие получил Шургин – словами не передать. Сам он, конечно, руки распускать никогда не решится, по штату не положено, но увидеть, как это делают другие, да еще безнаказанно... Она готова была сквозь землю провалиться, когда он расплылся в счастливой улыбке.

Ко всему прочему оба эти негодяя заявили в кафе, куда она зашла перекусить. Пришлось ограничиться одним салатом, да и тот застревал у нее в горле. Быстро расправившись с едой, Диана подхватила портфель в одну руку, сумочку в другую, вылетела на крыльцо и уткнулась в спину мощному типу, который застыл на верхней ступеньке и, судя по всему, обозревал окрестности. Прямо перед крыльцом стоял черный джип с молодым парнишкой за рулем. Диана могла бы поклясться, что где-то видела его раньше.

Мощный тип тем временем повернулся и уставился ей в лицо большими карими глазами.

– Извините, – пробормотала она и попятилась.

Тогда он неожиданно взял ее под локоть и крепко прижал к себе.

– Вы что?! – вскрикнула Диана и тут же прикусила язык, потому что почувствовала, как что-то острое и холодное упирается ей в живот. Она опустила глаза и увидела серебряное лезвие, которое полыхнуло в лучах вечернего солнца. Весь ее мир, выстроенный с таким тщанием и с такой любовью, теперь балансировал на его кончике. Одно короткое движение, и ее душу насильно выпихнут из тела.

Кареглазый стиснул живую женщину, как тряпичную куклу, не придавая значения тому, что делает ей больно. Оторвал от пола и стащил вниз по ступенькам. Дверца джипа распахнулась, и кожаный салон автомобиля ринулся на Диану. Она проехала животом по обивке сиде-

нья и уткнулась носом в хромированную пепельницу. Хотела закричать, но едва открыла рот, как ей с такой силой заломили руку за спину, что весь воздух выпрыгнул из легких. Взревел мотор, и автомобиль рванул с места, завизжав покрывками.

– Лучше отключи ее, – посоветовал веселый голос с переднего сиденья.

– Нет, ни в коем случае. Боссу нужны ее мозги, а не оmlет в черепе.

Диана немедленно решила, что неведомому боссу нужны ее мозги в прямом, а не переносном смысле. Голова у нее закружилась, в глазах потемнело, и подстреленной птичкой она свалилась на руки кареглазому.

А когда пришла в себя, то увидела прямо над собой чьи-то губы, которые сначала растянулись в улыбке, а потом принялись сжиматься и разжиматься, заполняя собой все видимое пространство.

– Знаешь, красotka, – с сожалением сказали они, – твой муженек дал дуба.

Диана помертвела. Она всегда этого боялась. Боялась, что с Денисом что-нибудь случится и она останется один на один с его врагами. Сердце ее вздрогнуло и забилось часто-часто.

– Что... что произошло? – прошептала она, не в силах справиться с голосом.

– Его машина взлетела на воздух. Бу-бух!

Из полумрака выплыло лицо и приблизилось к ней. Лицо было тощим, с выпирающими скулами и веселыми глазами балагура и забавника. Если обладатель таких глаз угрожает вам – берегитесь: он окажется самым безжалостным, самым жестоким палачом, какого только можно вообразить.

Денис погиб... Теперь все его грехи свалятся на ее голову. У него было много грехов, она точно знала. Поэтому и потребовала развода. Но бумаги до сих пор не оформлены. Юридически она все еще связана со своим мужем.

– Что вам от меня нужно?

Нет, это не она сидит в большой пустой комнате, привязанная к стулу. Куда подевались ее туфли? Босые ноги застыли – по полу носится холодный ветер, за окнами – жидкие летние сумерки. Где-то кричат и смеются пацаны, лают озабоченные всякой ерундой собаки.

– Что мне нужно? – переспрашивает весельчак. Достает сигаретку и закуривает, выстрелив огоньком зажигалки. – Сокровище, естественно.

– Вы спятили, – шепчет Диана. – Никакого сокровища нет. Несколько редких камней, которые бабушка увезла за границу. Они давно проданы и проедены наследниками. Остались лишь два аметиста, украшающие бабушкину шкатулку... Но они совсем недорогие...

– К черту твою бабушку, – цедит весельчак, прочерчивая сигаретой в воздухе оранжевую прямую. – Речь идет о твоём муже. И о его сокровище, которое он спрятал, а ты поможешь отыскать.

– Мы собирались разводиться, – Диана с трудом вытаскивает из себя слова. – Денис скрывал от меня свои доходы. И если прятал что-то ценное, то от меня – в первую очередь.

– Ничего, ты сообразительная. Отыщешь его тайник.

Весельчак выпускает дым ей в лицо и смеется, когда она начинает кашлять, высунув язык трубочкой.

– Но зачем вы привезли меня сюда?

– А вот зачем, – отвечает тот и со всего размаху бьет ее по лицу.

Именно в этот момент Диана поняла, что все происходит наяву, а не в ночном кошмаре. Ей показалось, что голова сейчас отлетит в сторону и покатится по полу. Удар был чудовищной силы, и у нее в глазах вспыхнули все созвездия, которые можно разглядеть на небе. Только спустя какое-то время она пришла в себя и почувствовала, что щека горит огнем, а по подбородку текут слезы и падают ей за шиворот.

– Мы привезли тебя сюда, чтобы преподать урок, – как ни в чем не бывало заявил весельчак. – Ты должна хорошо усвоить, что мы шутить не любим. – Он прошелся перед ней, словно

актер, репетирующий роль. – Пока останешься здесь. И будешь шевелить мозгами. Как только надумаешь, с чего начинать поиски, крикни.

Он развернулся и пошел к выходу. Сначала хлопнула дверь, потом заскрипели ступеньки. «Судя по всему, это деревенский дом, – решила Диана. – И я сейчас нахожусь в комнате под самой крышей. Возможно, когда-то здесь была мастерская художника. Хотя... Всего лишь одно маленькое окно. Для художника слишком плохое освещение».

Она сидела совершенно неподвижно и смотрела на гвоздь, торчащий в стене, до тех пор, пока сумерки не высосали из комнаты остатки света. Сколько часов прошло? Два, пять, десять? В голове не было ни одной мысли. Или, наоборот, их было слишком много? Да, их оказалось много, и они носились, словно взбесившиеся петарды, сталкиваясь друг с другом и рождая такие фейерверки, от которых захватывало дух.

Но вдруг что-то скрипнуло или вздохнуло поблизости от нее, и мысли разлетелись в разные стороны. Неужели мышь? Диана пошевелила ногами. Пальцы заledenели от холода и затекли. Она простудится и умрет еще до того, как ее начнут пытаться.

Снова какой-то звук. Диана вздрогнула и повернула голову. Вероятно, поднялся ветер, и ветки дерева царапают в окно. Она моргнула и вдруг увидела, что на фоне темнеющего неба появились очертания чьей-то головы. Две ладони чернильными кляксами распластались по стеклу. Раздался скрип, и створки уплыли в темноту, блеснув слюдяными стеклами. Тогда голова просунулась внутрь и громким шепотом спросила:

– Эй, дамочка, вы там как – живы?

* * *

Электрический ток вливался в холодное тельце мобильного телефона, и тот на глазах оживал, согреваясь в хозяйской ладони. Шургину потребовалось всего несколько секунд, чтобы отыскать в недрах его памяти номер телефона Алекса Душкина и послать вызов.

– Ну, давай, давай! – бормотал он, вслушиваясь в длинные гудки, которые напоминали ему заунывные вопли. – Бери трубку, гад.

Гад Душкин трубку не брал. С момента их разговора прошло ровно двадцать пять минут – Шургин гнал машину, как космонавт, опаздывающий к старту ракеты. По лестнице взбежал с чемпионской скоростью, достав по дороге ключ и взяв его на изготовку. С размаху воткнул в замочную скважину, как втыкают клинок в тело заклятого врага, промчался к столу, выхватил из ящика зарядное устройство и запустил процесс реанимации.

Но он опоздал. С Алексом явно что-то случилось. Не исключено, что он полез на рожон и его просто кокнули в темном подъезде. Может быть, тот самый беломордый мужик лично лишил племянника Невредимова всех земных удовольствий. В том числе зимней охоты.

Шургин отпер сейф, достал оттуда пистолет и засунул за пояс. Натянул поверх рубашки свитер. К счастью, на улице не жарко, а ночь так уж наверняка будет холодной. Оставалось выяснить адрес Звенигородского – на это у него ушло минут десять. Еще один звонок Алексу. Ответа нет.

Он запер квартиру и вышел на улицу. Сумерки томно сползали с накренившегося неба и наполняли дворы. Зажглись фонари, и все, что могло в этом городе светиться, уже светилось и мерцало. Шургин на секунду приостановился и вдохнул полной грудью. По вечерам зелень в Москве пахла как-то особенно яростно, и с этим ничего не могли поделать даже выхлопные газы. Он сел в машину и завел мотор, украв у города еще немного свежего воздуха.

Ехать было недалеко, и он домчался за паршивые пять минут. Еще десять ушло на обследование подъезда и прилегающей к нему территории. Никаких следов Алекса Душкина. К сожалению, Шургин не знал, в какой машине тот возит свое накачанное тело, и не мог проверить, здесь ли она.

Было совершенно непонятно, что делать дальше. Шургин решил остаться во дворе и как следует осмотреться. Забрался в свой автомобиль и заблокировал дверцы. Мобильный телефон положил на соседнее сиденье и то и дело поглядывал на него, как на младенца, который вот-вот должен проснуться и заорать.

Двор оказался малолюдным, и на его территории не происходило абсолютно ничего подозрительного. Интересно, зачем беломордый сюда приезжал? Ключ Дианы, как ему точно известно, находился в ее сумочке, а сумочка в тот момент была у Душкина. Или беломордому вовсе не нужен никакой ключ, чтобы отпереть дверь? А может, у него был еще один ключ?

Алекс позвонил ровно в полночь – дух, материализовавшийся в телефонной трубке. Голос у него был странный.

– Где ты? – немедленно задал Шургин самый важный вопрос.

– В Саратове.

– Где?!

– В Са-ра-то-ве.

– Неужели Диану увезли в Саратов?

– Нет, это меня увезли в Саратов, – сообщил тот. – Судя по всему. Не представляю, как я тут очутился. Волшебство какое-то!

Скрепя сердце согласился он выполнить распоряжение Шургина и не нападать на беломордого в подъезде. Хотя, по его разумению, надо было накостылять бандюге как следует, и тот бы как миленький рассказал, куда увез Диану Звенигородскую.

Беломордый приехал в «Газели» с зашнурованным брезентовым задником. Пока его не было, Алекс забрался в кузов, полный мебели, и спрятался за диваном. Так-то уж он точно прибудет на место назначения! Выбраться из-за дивана во время пути и пробраться через завалы оказалось проблематично – машину бросало из стороны в сторону, и все эти шифоньеры и тумбочки клацали ящиками и дружно подпрыгивали. Алекс решил не рисковать и не высовываться наружу, чтобы запомнить дорогу. Разберется на месте.

Когда машина наконец остановилась и дверца со стороны водителя хлопнула, он еще некоторое время сидел за своим диваном, потом пробрался к бортику, раздвинул брезент и высунул голову наружу. Справа был лес, слева забор – высокий и неприступный. За забором тоже был лес, но где-то в гуще деревьев торчала крыша дома, и Алекс понял, что именно этот дом ему и нужен. Спрыгнул на землю и огляделся по сторонам. «Газель» стояла возле ворот, которые были плотно закрыты. Дальше дорога делала крутой поворот и пропадала из виду. Вероятно, здесь есть и другие земельные угодья, нужно будет сходить на разведку, чтобы узнать, как называется это место.

Не успел он составить план, как из-за поворота выскочил серый автомобиль и, опасно виляя, понесся в его сторону. Алекс отпрыгнул назад, но его это не спасло. Когда автомобиль поравнялся с ним, из окна высунулась рука с пистолетом, и пистолет пальнул прямо в него! Он не успел разглядеть убийцу – заметил лишь красную каскетку и косынку, завязанную под глазами, как у бандитов Дикого Запада, и упал на землю. Пуля пролетела мимо, и Алекс шумно выдохнул воздух. В ту же самую секунду послышался топот, и не успел он оглянуться, как сильный удар обрушился на его голову.

– А очнулся я уже в Саратове, – оптимистично закончил он свой рассказ.

На самом деле очнулся он в густых кустах. На голове обнаружилась шишка, до которой было больно дотронуться. Из карманов ничего не пропало, даже бумажник. Выбравшись из зарослей и стряхнув прилипшие к одежде листья и травинки, Алекс огляделся по сторонам.

Место было совсем не то, что он запомнил, – незнакомое. Узкое, плохо освещенное шоссе убегало в неизвестность. Время от времени мимо проносились машины, но ни одна не остановилась, хотя он изо всех сил размахивал руками. Наконец со скоростью велосипеда протарах-

тел «запор» с хмурым дедком, вцепившимся в баранку. На телодвижения Алекса дедок никак не отреагировал, и тогда он завопил деду вслед:

– Эй, мужик, я в Москве?

Тот наклонился в сторону опущенного стекла и злорадно крикнул:

– В Саратове!

Душевная простота Алекса не позволила ему усомниться в полученной информации. Пока он звонил Шургину, судьба послала ему такси с зеленым «глазком», которое послушно притормозило у обочины.

– До центра города подвезешь? – спросил Алекс у шофера, забираясь в машину.

– Сколько дашь? – Таксист оказался мощным дяденькой с бычьей шеей и впечатляющими кулаками.

– Договоримся! – махнул рукой пассажир. Захлопнул дверцу, устроился поудобнее и, как только машина тронулась с места, поинтересовался: – А что, любезный, в Саратове аэропорт есть?

Шофер некоторое время жевал папироску, потом задумчиво ответил:

– А черт его знает.

– Ну, даешь! Таксист, и не знаешь, есть ли в Саратове аэропорт!

– А почему это я должен знать? – удивился тот.

Повернул голову и посмотрел на расслабленного Алекса с подозрением. Подумал – не псих ли попался.

– Да ведь это же такое хлебное место!

– Н-да? – неопределенно пробормотал тот и уточнил: – Тебе куда конкретно надо-то?

– Я же говорю – в центр города, – Алекс пригладил волосы руками, стараясь не задеть шишку, которая отчаянно пульсировала на затылке. – В самый-самый центр.

Он искренне полагал, что в самом-самом центре сумеет найти какой-нибудь выход из положения. Там есть гостиницы, рестораны, почтамты, вокзалы – все, что требуется человеку в форсмажорных обстоятельствах.

– В самый центр – это прям к Мавзолею, что ли? – сыронизировал таксист.

– К Мавзолею? – удивленно переспросил Алекс. Потом решил, что в Саратове, вероятно, тоже есть свой Мавзолей, и поинтересовался: – А кто у вас там захоронен?

Таксист посмотрел на Алекса еще раз и хмыкнул:

– А ты чего, в Америке живешь?

– Нет, в Москве.

– Тогда тот же, кто и у вас, – резюмировал шофер. – В.И. Ульянов.

– Да? – Алекс добыл из кармана пачку сигарет, прикурил и, выпустив плотное облачко дыма, поделился: – А у нас Ленин. Тоже, кстати, В.И. Смешное совпадение!

– Какое ж это совпадение? – развеселился таксист. – Ульянов – это и есть Ленин!

Алекс поперхнулся дымом и удивленно спросил:

– Его перезахоронили уже? В Саратове?

И тут шофер принялся хохотать, припадая к рулю. Ему даже пришлось смахнуть со щек несколько слезинок.

– Эй, ты на дорогу смотри! – прикрикнул Алекс, обеспокоенно заерзав на своем месте. – Чего ржешь?! Какие вы тут, в Саратове, однако, хохотуны...

В ответ на эти слова шофер закатился еще сильнее. Потом кое-как справился с собой и спросил:

– А ты в Саратове чего – в командировке, что ли?

– Как тебе сказать? – Алекс сделал очередную затяжку и пустил дым струйкой в лобовое стекло. – Во всем виновата баба.

– Они всегда во всем виноваты, – подтвердил шофер и несколько раз квохтнул, радуясь неожиданной разрядке. Нечасто удается так посмеяться! – А она тебя прям... прям... в Саратове... ждет? – спросил он через силу. Смех клокотал у него внутри, пытаясь вырваться на свободу. – Прям вот щас?

– Нет, «не щас», а завтра. И не в Саратове, а в другом месте. Поэтому я хочу переночевать в какой-нибудь хорошей гостинице, а уже наутро приму решение, как мне лучше добраться до Москвы.

– А-ха-ха! – выдал очередную порцию веселья шофер. – А может, сразу в Белокаменную рванем? Дорого не возьму.

Алекс постучал пальцем себе по виску:

– Соображаешь, что говоришь? Это сколько ж мы ехать будем!

– Минут тридцать, – заверил его таксист. – Ну, парень, ты меня и повеселил. Я тебя не в Саратове подобрал, а в Алтуфьеве.

Алекс задумался минуты на две, потом хлопнул себя по коленкам и воскликнул, имея в виду деда в «Запорожце»:

– Ах, старый хрыч, обманул!

Окрыленный открывшимися обстоятельствами, он немедленно достал телефон и позвонил Шургину.

– Хорошая новость, – сообщил он. – Я в Москве.

– Твоя фамилия, случайно, не Варенуха? – рассердился тот. – Может, ты еще и в Ялте успел побывать?!

Алекс, который определенно не знал, о чем речь, мрачным тоном поинтересовался:

– Кто такой Варенуха?

Шофер разразился новой порцией икающего хохота. Алекс злобно зыркнул на него.

– Молчу, молчу! – просипел тот. – Клиент для таксиста – первое лицо в государстве. Если, конечно, он платежеспособен.

– Планы меняются, – сказал ему Алекс. – К Мавзолею не поедем. У меня деловая встреча на Красной Пресне.

– Есть! – отрапортовал водитель и надул щеки, заперев смех внутри.

Историческая встреча с Шургиным состоялась в маленьком кафе «Конфетница», среди кружевных салфеток и кондитерского великолепия. Девушка с форменной улыбкой принесла кофе и удалилась, покачивая тощим задом. Алекс проводил зад задумчивым взглядом.

– Только попробуй, – предупредил его Шургин.

Алекс Душкин был последним человеком, с которым ему хотелось иметь дело. Однако ничего не попишешь – в чрезвычайную ситуацию обязательно втиснется хоть один дурак. Главное, не дать ему раскомандоваться.

– Не представляю, как можно найти то место, куда я ездил на «Газели», – заявил Алекс, ополовинив чашку. – Никаких зацепок.

– Одна все-таки есть, – не согласился Шургин. – Тот стрелок в красной каскетке.

– Я же не знаю, кто это.

– Надо узнать. Судя по всему, враг наблюдал за тобой, видел, как ты забрался в «Газель», и поехал следом. А как только выдался подходящий момент, в очередной раз пальнул в тебя из пистолета.

– Да я только успел наружу выбраться...

– Он хочет тебя запугать. Иначе давно пристрелил бы. У тебя есть враги? – Он внимательно посмотрел на Алекса, который высыпал в оставшийся кофе половину содержимого сахарницы и тщательно размешал. – Впрочем, что это я? Конечно, есть. Ты так сильно любишь сладкое?

– Сахар – пища для мозга. Мой мозг должен работать хорошо.

– Ясно. Итак, если твой мозг уже накормлен, давай подумай, кто из твоих знакомых может желать тебе зла?

– Да практически любой, – пожал плечами Алекс. – Ты в курсе, что неординарных личностей, имеющих собственное мнение, люди не любят?

– Не любят, но не отстреливают.

Неординарный Алекс нахмурился.

– А что, если это женщина? – вслух подумал Шургин. – Она плохо владеет оружием, поэтому постоянно промахивается?

– Ну-у-у, нет! Женщины меня просто обожают. Я умею найти с ними общий язык!

– Я заметил. Куда ты записываешь телефоны своих подружек? Может быть, в последнее время ты с кем-нибудь из них поссорился? Хотя, – пробормотал он, – женщины ссорятся только с теми, с кем потом хотят помириться. Остальных они посылают. Тебя посылала какая-нибудь?

– Меня?! – Лицо Алекса захлестнуло багровым гневом. – Как тебе такое только в голову пришло?!

После короткой словесной дуэли выяснилось, что у Душкина имеется записная книжка, куда он заносит сведения о девушках, которые имели неосторожность ему приглянуться. Шургин сообщил, что обзвонит их всех и каждой скажет, что она опознана. И что к ней едет милиция с наручниками.

– Никто не признается, – махнул рукой Алекс. На его мизинце сидел большой перстень с голубым камнем, удачно дополняя образ самовлюбленного болвана.

– Не волнуйся, мне не нужны признания. Я уверен, что у преступницы обязательно дрогнет голос.

Они отправились за книжкой к Алексу домой, и по дороге тот начал сетовать, что его автомобиль остался беспризорным возле дома Дианы Звенигородской.

– Ты на полном серьезе положил глаз на эту дамочку? – неожиданно спросил Шургин. Ему действительно было любопытно. – По-моему, она тебе совсем не подходит.

– Я знаю, – вздохнул Алекс. – Но у нее потрясающая задница. Я просто не могу игнорировать такие вещи. Видишь ли, я решил жениться и теперь выбираю кандидатуру.

Простота мотива потрясла Шургина, и он некоторое время раздумывал, какое влияние оказывают женские анатомические особенности на его собственные предпочтения.

До места проживания Алекса они домчались за четверть часа. Шургин торопился. Интересно, ищет ли милиция пропавшую Диану? И если ищет, то насколько усердно? С момента похищения прошло уже... Он вскинул руку к глазам и нахмурился. Прошло уже десять часов. Бог знает что могло случиться с ней за это время. Он постарался не думать о плохом, чтобы не накликать беду.

– Вот мой подъезд, – сказал Алекс и постучал пальцем по лобовому стеклу. – Тормози.

Возле подъезда, на который он указывал, неподвижно стояла тощенькая фигурка, закутанная в длинную кофту, и двумя руками придерживала поднятый воротник. Шургин заметил светлую макушку и резко выдохнул. На одну секунду ему показалось, что это Диана Звенигородская. Он сощурился и почти сразу понял, что ошибается. Женщина была старше и выше ростом.

– Твоя знакомая? – спросил он у Алекса, который уже лез из машины на улицу.

– Не пойму, – бросил тот. – Кого-то она мне напоминает...

– Алекс? – спросила женщина, шагнув навстречу Душкину. Отпустила кофту и прижала руки к груди. – Душкин? Это в самом деле ты?

– Кого я вижу! – воскликнул тот, разведя руки. – Клара! Какой сюрприз! – Тут на чело его набежала тень, и уже совершенно другим тоном он спросил: – Кстати, что ты тут делаешь?

– Я... Я... – пробормотала Клара, вцепившись в блестящую пуговицу на кофте. – Я тут...

И она неожиданно закрыла лицо руками и разрыдалась.

Шургин, который наблюдал за всем происходящим издали, сделал шаг вперед и сказал:

– По всей видимости, Клара думала, что убила тебя.

– ???

– Он упал как подкошенный! – захлебывалась слезами облегчения бедняжка. – И... И не двигался! Я целилась в ногу, но решила, что промазала и... И случайно его застрелила!

Ей было прилично за сорок, ровно постриженные волосы были аккуратно окрашены, в ушах блестели маленькие серьги, юбка чуть ниже колена, деловые туфли. Все свидетельствовало об умеренности и сдержанности.

Шургин протянул руку и, взяв Клару за шею, притянул к своей груди. Она вцепилась в него и принялась орошать слезами его рубашку.

– Что ты ей сделал? – спросил он Алекса, радуясь, что благодаря случайности им удастся сэкономить время.

– Ровным счетом ничего! И я упал как подкошенный, потому что испугался.

– Кларин телефон есть в твоей записной книжке?

– Ты что, спятил? Ей лет пятьдесят!

– Мне сорок шесть, – прорыдала Клара. – Из-за этого... придурка я потеряла работу!

– Как ты меня назвала?! – заорал Алекс.

– Сбавь обороты, – посоветовал Шургин. – Возможно, пистолет все еще у нее в кармане.

Тот мгновенно заткнулся.

– всю свою жизнь я была образцовым секретарем... Лучшим из лучших! Но этот... этот... Сушкин...

– Душкин, – буркнул тот, с опаской поглядывая на ее карманы.

– Каждый раз, когда он приходил в наш офис, то щипал меня за... за...

– Я понимаю.

– Я боролась всеми доступными мне средствами, но ничего не помогало. Недавно он снова сделал это... в присутствии заместителя директора. Мне было так стыдно... Я расплакалась, убежала в туалет и пропустила важный звонок. Шеф меня уволил. В моем возрасте найти хорошее место практически невозможно!

– Ты что же это, сволочь длиннорукая, натворил? – спросил Шургин, приподняв бровь. Его снедала лихорадка: киднепинг был гораздо серьезнее потерянной кем-то должности. – Немедленно извинись.

– Извиниться?! – завопил Алекс. – Да я пытался сделать этой кошелке комплимент! Только благородный человек станет заигрывать со старухой! Я был уверен, что на нее сто лет никто не обращал внимания, и решил немного ее взбодрить.

– У тебя неплохо получилось, – буркнул Шургин и ласково спросил у Клары: – Где пистолет?

Она сунула руку в карман и действительно достала оттуда маленькую, почти игрушечную штучку с коротким стволом. И безропотно опустила ее Шургину в ладонь.

– Где вы его взяли?

– Достался мне от отца. Никогда не думала, что воспользуюсь им... Что смогу... Но я прежде не испытывала такой ненависти!

– Гордись, Алекс, – насмешливо заметил Шургин. – Ты пробудил в душе женщины шекспировские чувства. Теперь извиняйся.

После жестоких препирательств извинения были принесены, и Шургин в двух словах обрисовал Кларе ситуацию.

– Вы сможете найти то место, где произошел инцидент?

– Конечно, – кивнула та. Она довольно быстро прекратила плакать и взяла себя в руки. Наверное, действительно была хорошей секретаршей: у хороших секретарш королевская выдержка. – Это не так уж далеко. Я знаю направление и могу показать, куда свернуть.

– Тогда не будем терять времени.

Они поспешно забрались в машину, причем Клара настояла, чтобы Алекс сел впереди – собиралась держать его в поле зрения.

– Можешь успокоиться, – буркнул тот. – Я приставал к тебе из сострадания. Это была благотворительность.

– Не обращайтесь на него внимания, – сказал Шургин, смерив Алекса ледяным взглядом. – Вы выглядите не больше чем на тридцать. Он щиплет только тех женщин, с которыми не прочь завести отношения.

Тут ему в голову пришла блестящая мысль.

– В сущности, я вообще могу его высадить.

– Нет уж, дудки! – воспротивился Алекс. – Если я спасу Диану, мои ставки повысятся. Шансы возрастут во много раз! Или ты сам положил на нее глаз?

– На кого?! – У Шургина от изумления сделался глупый вид. Он моргнул и быстро добавил: – Она интересуется меня только как человеческая особь, попавшая в беду.

– Боже мой, но если она в руках бандитов, как вы собираетесь ее спасти? – воскликнула Клара. – Нужно было пойти в милицию.

– Мы потеряем кучу времени, – возразил их предводитель. – Представляете себе милиционеров, которые по первому требованию едут в неизвестном направлении кого-то спасать? Они до утра будут заполнять протоколы.

– У меня есть знакомый мент! – неожиданно оживился Алекс. – Борька Власкин. И живет он неподалеку – нам как раз по дороге. Абсолютно свой мужик, он-то уж не станет рожей крутить!

– Сейчас ночь, – напомнил ему Шургин.

Он не хотел связываться ни с какими ментами, тем более приятелями Алекса. Однако рассудительная Клара решила, что иметь при себе представителя правопорядка просто необходимо, и он сдался.

В итоге все вышло даже хуже, чем он думал. Борька Власкин оказался не настоящим ментом, а бывшим. Разжалованным. Его уволили из рядов славной милиции за злоупотребление служебным положением и еще за какие-то мутные дела. Из подъезда Власкин вывалился в распахнутой рубашке, и, когда влез в машину, салон моментально наполнился алкогольными парами. У него была здоровая ряха и неподвижные глазки дикого кабана.

– Это какой же сволочью надо быть, – шепотом заметила Клара, – чтобы тебя даже из милиции выперли.

Было ясно, что она уже сожалеет о своей настойчивости.

– Чего делать будем? – весело спросил Власкин, будто его позвали позабавиться на природе.

– Биться с плохими парнями, – заявил Алекс. На самом деле никто из них понятия не имел о том, как сложится ситуация. Они даже не знали, по верному следу идут или нет.

– Биться я люблю, – сообщил бывший мент, расплывшись в улыбке. – Может, надо было ружье прихватить?

Шургин обернулся, чтобы озабоченно перегляднуться с Кларой. Некоторое время оба молчали, слушая, как Алекс с приятелем вспоминают общие приключения.

– Сюда! – неожиданно спохватилась их проводница, указывая на очередной поворот, перед которым стоял покосившийся указатель: «Поселок Рядники».

– Рядники, – радостно воскликнул Власкин. – Славное, должно быть, местечко!

Вероятно, ему не терпелось подражаться, и Шургин опасался только одного – что у бывшего мента имеется при себе какой-нибудь пугач, который он с удовольствием пустит в ход.

– Ты сможешь его контролировать? – шепотом спросил он у Алекса, когда они обнаружили нужный забор и выбрались из машины.

– Конечно! – ответил тот голосом глупого короля, который не знает о заговоре министров.

Шургин вздохнул и решил положиться на удачу. Прошел по дороге немного вперед, обернулся, обозрел свое войско и покачал головой. Тошенькая Клара, с самого начала пути не расстававшаяся с сигаретой, ежилась под резкими порывами ветра, Власкин чесал пузо и шумно дышал, озирая окрестности нетрезвым взглядом. Алекс Душкин с задумчивым видом ощупывал забор.

Над поселком Рядники стояла тихая ночь. Ветер привычно перебирал листву, нашептывая деревьям свои колыбельные, загадочно шелестела трава, в гуще которой попискивали грызуны. Луна была белой, как яйцо, а сероватые пятна на ее поверхности казались отпечатками пальцев. Как будто кто-то помуслил яйцо в руке и зашвырнул его высоко в небо. Хлипкое облако распласталось поблизости, не в силах затмить призрачный свет. Пожалуй, недостатка в освещении не будет.

– Полезли через забор, – предложил Алекс.

– Слушайте меня внимательно, – процедил Шургин. – Сначала нужно разведать обстановку, а потом уже всем гуртом брать препятствие.

– Вот я и разведую.

Не дожидаясь согласия, Алекс разбежался и вспрыгнул на забор, некоторое время собиравшись с силами, потом сделал рывок и перевалил на ту сторону.

– Сколько их? – кровожадно спросил Власкин.

Дикий кабан у него внутри бил копытом. Вероятно, Алекс однозначно пообещал ему драку, и бывший мент с трудом справлялся с нетерпением.

– Тише вы, – прикрикнула Клара.

Власкин посмотрел на нее и радостно воскликнул:

– О, баба! – Как будто это не с ней он всю дорогу ехал на заднем сиденье.

Клара смерила его опасливым взглядом и прикурила от старой сигареты новую. Сигареты были тонкими, и дым от них шел почти прозрачный. Шургин подумал, что курить такие можно и в самом деле бесперебойно. В этот момент где-то за забором басом гавкнула собака. Потом гавкнула еще раз и зашлась в долгом приступе негодования. Судя по всему, это была большая псина, и она учуяла Алекса Душкина.

Почти в ту же секунду вышеозначенный гражданин вынырнул из темноты и перекинул себя через забор в обратном направлении.

– Значит, так, – сообщил он, явно довольный собственной храбростью. – Дом двухэтажный, старый. Окружен еще одной загородочкой, только поменьше и пореже – видно, от прежних хозяев осталась. За загородкой собака неопознанной породы – черная и гладкая, как теленок. Мне она не понравилась.

– Думаю, ты ей тоже, – пробормотала Клара. Несмотря на недавние слезы и облегчение от того, что Душкин остался жив, ненависть все еще плескалась в ее глазах.

– Снаружи охраны нет. На первом этаже горит свет, но из-за собаки я не смог подобраться поближе. Да и вообще... По ночам я предпочитаю не соваться на чужую территорию. Так что к дому пойдете сами.

– Но как мы пойдём? – накинулась на него Клара. – Там же собака.

– Я нападу на собаку, а вы быстренько просочитесь.

– Как это – нападу? – опешила она.

– Прыгну на нее сверху. Она ничего не успеет сообразить.

– Это все, на что ты готов ради большой любви? – мрачно спросил Шургин.

Он надеялся, что дом находится достаточно далеко и никто не слышит, как они вырабатывают свой стратегический план.

– Видишь ли, у меня была психическая травма.

– Я так и знала, – пробормотала Клара, делая длинную затяжку.

– Ему однажды дали по башке, когда он полез ночью к бабе, – радостно сообщил Власкин. – Чуть черепашку не раскроили.

– По-научному это называется фобия, – подсказал Алекс. – Если мне приходится в темноте красться по чужой территории, голова просто раскалывается. Ужасно. Подсознательное ожидание удара... Ничего не могу с собой поделаться. Вот если бы у меня на голове была строительная каска, тогда...

– Зачем же ты на разведку пошел? – спросила Клара. – Со своей фобией?

– Хотел убедиться. Думал, может быть, за прошедшие годы что-нибудь изменилось. Но нет – ничего.

Он так преувеличенно сожалел, что Шургин на секунду усомнился в его честности. И сказал:

– У меня в багажнике есть маленькое пластмассовое ведро. Вполне сойдет вместо каски.

Он был уверен, что Алекс откажется с негодованием. Просто забыл о том, что дураки никогда не стараются избежать опасности. Именно прямота была главной чертой характера Алекса Душкина. Прямота, а не хитрость. Оживившись, он сказал:

– Давай посмотрим, что за ведро.

Шургин открыл багажник и показал ему красную пластиковую бадейку с белой ручкой. Алекс схватил ее и пристроил на голову, сделавшись похожим на турка в феске.

– Маловата, но ничего, сойдет! – радостно сообщил он, хлопнув ладонью по днищу. – Только ручку придется оторвать, а то она в рот лезет.

Клара, глядя на него, подавилась дымом и закашлялась. Алекс снял с головы ведро, одним движением избавился от ручки и бросил ее в канаву. И снова водрузил ведро на голову:

– Решено, иду с вами.

– Да на хрен ты нужен, – добродушно ткнул его в плечо Власкин, пояснив для остальных: – Как только начинается рукопашная, он немедленно слетает с катушек. Такого может натворить... А делать людям больно нужно с чувством, с толком, с расстановкой.

– Один садист, а второй настоящий шизофреник, – шепотом сказала Клара Шургину. – Потеря контроля над собой – это тревожный признак.

– Хорошо, я не полезу в драку, – согласился Алекс. – Но все-таки пригожусь. Не забудь, что я умею кричать.

– Нет! – испугался бывший мент. – Только не это.

– Как ты умеешь кричать? – заинтересовался Шургин.

– Страшно. Дар, который я не сразу в себе обнаружил. Первый раз это случилось в седьмом классе. Я посмотрел фильм «Тарзан» и находился под большим впечатлением. Залез в школьный подвал, сосредоточился и крикнул.

– И что?

– Директор принял решение эвакуировать школу. Когда меня нашли, никто не верил, что ребенок на такое способен.

– Не думаю, что нам сейчас стоит кричать по-тарзаньи, – сказал Шургин. – И вообще: давайте выдвигаться, теряем время. Клара, вы участвуете в операции?

– Еще бы. Если женщины откажутся помогать друг другу, конец света наступит уже в будущем году. – Она бросила сигарету и затоптала ее туфлей. – А вы уверены, что похищенная девушка находится в этом доме? Что, если ее там нет?

– Тогда мы возьмем «языка» и будем его пытать до тех пор, пока он не расколется, – сделал жизнеутверждающее заявление Власкин.

– Итак, – подвел итог Шургин, – диспозиция такова. Борис и Алекс нейтрализуют собаку, Клара стучится в дверь и отвлекает хозяев, а я тем временем обыскиваю дом.

– Но как я буду отвлекать хозяев? – заинтересовалась Клара, которую Власкин с Алексом вдвоем перебросили через забор, не проявив при этом ни капли уважения к ее полу.

– Придумайте какую-нибудь ерунду: что вы заблудились, что на вас напал сексуальный маньяк...

– Маньяк предпочтительнее, – тотчас решила она. – Это не оставит их равнодушными. Заблудилась – совсем не то. Заблудилась – значит, дура. Могут послать подальше.

Очувтившись по ту сторону забора среди тесно стоящих деревьев, они растянулись цепью и осторожно двинулись к дому. Два окна первого этажа сияли в темноте – свет лежал перед ними на траве двумя аккуратными лимонными ковриками. Шургину показалось, что в кустах возле крыльца блеснула гладкая черная туша, похожая на дельфиний бок.

– Черт побери! – воскликнул он шепотом. – Как вы собираетесь справиться с этой собакой?!

– Коронный номер Алекса, – похвалился Власкин. – Победитель собачьих родео! Ни одна тварь под ним еще не устояла.

– Нет, Душкин точно псих, – сказала Клара в ухо Шургину. – Драться с собаками!

От нее пахло какими-то ужасно старомодными духами. Крохотные золотые серьги, качавшиеся в ушах, наверняка достались ей от матери или от бабки. Шургин подумал, что лет через тридцать из нее получится потрясающая старуха – умная, деловая и острая на язык. Почему-то в сорок с гаком такие женщины не производят большого впечатления на мужчин и берут реванш, только когда обзаводятся морщинами и сединами. Сигарета была беспроегрышным дополнением к ее образу.

– Вы сумеете сыграть свою роль? – на всякий случай спросил он, и Клара в ответ презрительно хмыкнула.

– Лучше я, чем эти двое.

«Эти двое» тем временем договаривались о том, каким образом справиться с четверногим сторожем.

– Разделимся на два отряда, – рассуждал Алекс. – Олег с Кларой пойдут влево, а мы с тобой вправо. Нет, лучше наоборот. Я взберусь на что-нибудь, да вот хотя бы на то дерево, которое перевешивается через забор, видишь? На ту ветку. И изготовлюсь. А ты начнешь дразнить собаку. Она нацелится на тебя, начнет лаять, тут я на нее и прыгну, сечешь?

Пока они разговаривали, упомянутая собака подошла к забору и стояла совершенно неподвижно, только приподняла верхнюю губу, чтобы показать свое оружие. В конце концов она тихонько зарычала, и Клара, увидев ее через неплотно пригнанные доски, не удержалась и воскликнула:

– Мамочки! Вот это зверюга...

Если она думала, что, оценив зверские габариты псины, Алекс Душкин спасует, то ошибалась.

– Ух ты, какая красавица, – пробормотал он. – Плохо только, что она не лает и не беснуется. Когда они беснуются, с ними легче справиться. Давай, Борька, начинай ее дразнить! Делай вид, что ты пытаешься проникнуть на ее территорию. Иначе она так и будет стоять и зырить.

– Отойдем подальше, – Клара потянула Шургина за рукав. – Мало ли что может случиться. Вдруг эта красавица хорошо прыгает?

Женское сердце – вещун. Все дальнейшее случилось очень быстро. Алекс полез на дерево и ловко, как бабуин, перебрался на облюбованную ветку. Власкин, с лица которого не сходила ухмылка, схватился двумя руками за доску забора и потряс ее. Закон Мерфи гласит: если какая-нибудь неприятность может произойти, она произойдет обязательно. Другое дело, что предвидеть ту неприятность, которая случилась с Власкиным, было довольно трудно.

Дело в том, что он выбрал не ту доску забора. Плохую доску. Старую. Она едва-едва держалась на одном гвозде. Когда бедолага схватился за нее обеими руками и потряс, решив сделать вид, что лезет на участок, доска хрумкнула и отвалилась, оставшись у него в руках. Собака мгновенно сгруппировалась, и глаза ее загорелись адским огнем. Бывший мент, по совместительству дикий кабан, не дал своему другу Душкину и пары секунд на то, чтобы совершить знаменитый прыжок с дерева на жертву.

Он развернулся и вместе с оторванной доской стартовал с места, закрутив воздух с такой силой, что с земли поднялся маленький вихрь песка. Собака черной молнией метнулась за ним. В один момент оба исчезли из поля зрения. Через второй, внешний забор Власкин перемахнул одним скоком, а собака подлезла под воротами, дав ему несколько секунд форы. Действие происходило в абсолютной тишине – собака считала, что лаять уже поздно, а Власкин полагал, что на вопли о помощи у него просто нет времени.

Шургин мгновенно сориентировался и подтолкнул Клару к образовавшемуся в заборе проходу.

– Пошла! – скомандовал он тоном инструктора, выталкивающего парашютиста из самолета. – Действовать нужно быстро, пока собака не вернулась.

Клара взлохматила волосы, расстегнула пару пуговиц на блузке и, сделав ужасное лицо, бросилась к крыльцу, неожиданно завопив на всю округу:

– Спасите!!! Ради всего святого, помогите! За мной гонятся!

Шургин не стал дожидаться, пока хозяева выскочат на улицу, и быстро обежал дом. Та стена, что выходила в маленький садик, была вся увита плющом, который полз по специально натянутым бечевкам. Это торжество зелени вполне способно было выдержать человека. Ведомый интуицией, он выбрал именно ту цель, к которой изначально стремился – маленькое окно под крышей. Ему казалось, там чулан или что-нибудь в том же роде, где лучше всего держать узницу.

Внизу, за углом, раздавались взволнованные голоса и топот. Клара кричала что-то про ужасного типа, который гнался за ней от самого шоссе, мужчины подавали короткие реплики. Потом принялись звать свою жуткую собаку, которая, как тут же выяснилось, носила кличку Афродита. Они свистели и, судя по звукам, стучали себя по ляжкам – безрезультатно. Возможно, Афродита где-нибудь в кювете доедала Власкина. Или они друг за другом переплывали соседний пруд, распугивая местных лягушек.

Оборвав несметное количество побегов плюща, Шургин наконец добрался до цели и утвердился на небольшом выступе, освободив обе руки. Тогда он потянул створки окна на себя и заглянул в комнату. Вместе с ним туда заглянула любопытная луна, разлив лужицу света на дощатый пол.

Девушка была тут. Она сидела на стуле с заведенными назад руками, босая и остановившимся взглядом смотрела на него. Он помахал ей рукой, но она никак не отреагировала. Тогда он лег животом на подоконник и негромко спросил:

– Эй, дамочка, вы там как – живы?

Некоторое время она не отвечала. Но когда он полез внутрь, узнала его и воскликнула:

– Это вы?!

– А вы думали кто – Орландо Блум? – прокричал Шургин, перевалив через подоконник и спрыгнув на пол.

– Что вы тут делаете? – изумилась Диана.

– Догадываетесь с трех раз, – проворчал он, присаживаясь перед ней на корточки. – Черт, да вы привязаны насмерть. – Веревка, которой ее прикрутили к стулу, оказалась тонкой, а узлы маленькими и очень тугими. – Как, интересно, я вас буду отсюда вытаскивать?

Героический Орландо Блум, конечно, не сталкивался с такими проблемами – если уж он спасал пленницу, у него в кармане обязательно оказывался подходящий колюще-режущий предмет. У Шургина был только пистолет. Не отстреливать же девицу от стула!

– У вас, случайно, не найдется маникюрных ножниц?

Вместо ответа она начала мелко трястись.

– Черт возьми, что с вами?

– Я з... з... замерзла.

Пальцы у нее действительно были очень холодные. Он протянул руку и схватил ее за лодыжку. Ноги оказались еще холоднее.

– Чего же это вы сидели тут, как колода? – проворчал он шепотом. – Нужно было бороться! Извиваться хотя бы, топтать ногами.

Он наклонился и попытался распутать узлы зубами, однако только обслюнявил их, отчего они сделались каменными.

– Черт! – прошипел он. – Придется спускаться вниз.

В этот момент в окне за его спиной показалась голова Душкина, увенчанная пластмассовым ведром. Увидев ее, Диана испуганно ахнула. Шургин резко обернулся и пробормотал:

– А вот и ваш принц. Не скажу, что прекрасный, но весь исполненный надежд.

– Кто это? – прошептала она, на минуту перестав дрожать.

– Алекс Душкин, разумеется. Ваша филейная часть произвела на него неизгладимое впечатление.

– Какая... часть?

Судя по всему, она плохо соображала. Впрочем, сам Шургин соображал не лучше. Нужно было срочно что-то предпринять, а он вел себя, как настоящий тормоз.

– Алекс, что там внизу? – прошипел он.

– Их двое, – ответил тот, взглядываясь в темноту. – Здоровенные быки. Один наш знакомый с белой мордой. Зовут его Владик. А второго Павлик. Они завели Клару внутрь и базарят там. Собака еще не вернулась. А что вы тут, собственно, делаете?

– У тебя есть что-нибудь острое – перерезать веревки?

– Нету. Дианочка, тебя связали?!

– Тогда, Алекс, тебе придется выманить сторожей на улицу. Я спущусь на первый этаж и найду что-нибудь на кухне. Или вытащу Диану вместе со стулом через дверь. Ты можешь поторопиться?

– Ждите, – коротко ответил Душкин, и голова его исчезла из виду так же внезапно, как появилась.

Выдирая куски плюща, он в два приема достиг земли, обежал дом и швырнул в окно камушек, подобранный с земли. После чего бросился в кусты и зашуршал в них. Мордороты Владик и Павлик выскочили на крыльцо моментально. Клара выглядывала из-за их спин с совершенно глупым видом.

– Это маньяк! – запричитала она, увидев, как ворочаются ветки смородины. – Скорее, сделайте что-нибудь!

– Сейчас я его подстрелю, – сообщил Владик и сунул руку под джинсовую куртку.

Клара, понимая, что в кусты забрался кто-то из своих, уже хотела броситься на него, чтобы помешать выстрелить, но Алекс ее опередил. Сообразив, что сейчас его продырявят, как старую кастрюлю, он решил защититься единственно доступным ему способом и воспроизвести крик дикого Тарзана, который получался у него гораздо лучше, чем у самого героя – громче и, главное, страшнее. Задрал голову вверх, уставился на луну, как волк-оборотень, и...

Над поселком Рядники пронесся ужасный, нечеловеческий, душераздирающий вой, от которого с травы на соседних лугах осыпались все кузнечики. Сельчане проснулись в холодном

поту и поглубже зарылись в одеяла, а самые отважные псы попрятались в свои будки. Если бы настоящий Тарзан слышал Алекса, он немедленно подал бы в отставку.

Оба мордворота одновременно присели, потом проворно отпрыгнули с крыльца в комнату, забыв про свое вооружение.

– Что это было? – желеобразным голосом спросил Владик, дрожа подбородком.

– Похоже, к нам в сад забралось какое-то... чудовище. Наверное, оно и съело Афродиту, – проблеял в ответ Павлик и, протянув руку, ловко захлопнул дверь. Обернулся к Кларе и спросил: – А вы уверены, что за вами гнался человек, а не дьявол?

Остальные участники драмы были потрясены не меньше, если даже не больше.

– Кто это так кричит? – тоненьким девчоночьим голоском спросила Диана Звенигородская.

Даже в темноте было видно, как расширились от страха ее глаза.

– Это ваш суженый, – злорадно ответил Шургин.

И хотя он сразу сообразил, что стал свидетелем сольного выступления Алекса, желудок у него помимо воли свернулся рюлетом. Честно сказать, такого страшного вопля ему не доводилось слышать никогда в жизни. Он даже не предполагал, что люди могут издавать подобные звуки. Если бы его спросили, какое вообще живое существо способно так кричать, он вряд ли нашелся бы с ответом.

– Какой суженый? – помертвевшими губами переспросила девица.

Вероятно, она решила, что ее, как прекрасную принцессу, собираются отдать на растерзание дракону.

– Душкин, разумеется. Теперь-то я точно знаю, что он шизофреник. Но – храбрый шизофреник. Поглядите, с какой отвагой он бросился на вашу защиту.

Он подошел к двери, приоткрыл в ней маленькую щелку и прислушался. Потом закрыл ее и вернулся обратно, стараясь ступать так, чтобы не скрипели половицы.

– Кажется, ваш любимый перестарался. Вместо того чтобы выманить бандитов на улицу, он загнал их в дом. Теперь они отсюда неделю не выйдут.

Тарзаний крик Душкина разнесся далеко окрест и перепугал массу народу. В эту самую ночь рыбнадзор совместно с рядниковским участковым по фамилии Шпилюк проводил операцию по отлову браконьеров, глушивших рыбу в местном озере. Они сидели в зарослях как раз с той самой стороны, где начинались частные земельные угодья, и, когда услышали это жуткое, выворачивающее кишки завывание, заметались по подлеску, не зная, куда бежать.

Участковый Шпилюк, отличающийся чрезмерно серьезным отношением не только к службе, но и к жизни вообще, сразу же решил, что его прямой долг – пойти и выяснить, все ли в порядке в поселке. Во многих домах горел свет, но граждане боялись даже нос высунуть на улицу. Только бабка Нюра выбежала ему навстречу в длинной белой рубаше и сообщила, что у нее сдохла коза. Бабка Нюра настаивала, что коза скончалась от разрыва сердца, и Шпилюк пообещал привлечь к расследованию инцидента местного ветеринара.

«Главное, чтобы не пострадал никто из жителей, – думал он, шагая по дороге с табельным оружием на изготовку. – Интересно, как может выглядеть существо, издающее столь отвратительные звуки?»

Существо выглядело очень даже неплохо. Оно вылезло из кустов смородины и почесало нос. Шургин велел выманить бандитов на улицу, но они не только не вышли, но, наоборот, крепко заперли дверь. Необходимо было придумать что-то еще.

В то время как Алекс думал, Шпилюк шел по проселку и наконец приблизился к стоявшему на обочине незнакомому автомобилю. Достал фонарик и осветил номер. Номер оказался московским, и участковый, торопясь и пытая, записал его в свой блокнот. Пистолет на время пришлось спрятать, и от страха за свою жизнь он безумно вспотел: чудовище-то могло выско-чить в любой момент.

Шум, раздавшийся в придорожном кустарнике, заставил его мгновенно прыгнуть за машину. Шпилюк был смелым парнем, но в тот миг он почувствовал такую слабость во всех членах, как будто косточки в его теле в один миг растворились, словно сахарные. Удержаться на ногах оказалось совершенно невозможно, и он сел возле колеса, каким-то чудом удерживая в мягких пальцах пистолет.

Однако из придорожной канавы выбралось никакое не чудовище, а незнакомый мордастый мужик в расстегнутой рубашке, который пошел к забору дома, купленного недавно приезжими из столицы. В руках у мужика была широкая доска, и он нес ее перед собой таким образом, будто собирался драться. Испытав громадное облегчение, Шпилюк тем не менее еще некоторое время собирался с силами и приводил в порядок эмоции.

Мужик (а это был, разумеется, Власкин) тем временем перебросил свою ношу через забор и сам полез следом. Делал он это неуклюже, но все же одержал победу и мешком свалился на землю с той стороны ограждения. Ловкий Шпилюк через минуту повторил его маневр и двинулся по следу. Однако через некоторое время потерял незнакомца из виду и, сколько ни оглядывался по сторонам, так и не смог его обнаружить. Тогда он взбежал на крыльцо дома и застучал кулаком в дверь.

– Это участковый Шпилюк! – закричал он. – У вас все в порядке?

– Нет! – крикнул женский голос ему в ответ.

После небольшой паузы громыхнула щеколда, и на пороге возникли два бугая, из-за спин которых выглядывала тощенькая мадам с сигаретой в зубах.

– У нас тут... маньяк, – заявила она, пыхнув в Шпилюка дымом. – Он гнался за мной от самого леса.

– И выл?

– Нет, выло что-то другое, – покачал головой один из бугаев. – Но на нашем участке. Оно сидело вон в тех зарослях!

Он пальцем показал на смородиновые кусты, ветки которых кренились к земле, увешанные зелеными еще ягодами. Присутствие участкового отрезвило хозяев, и, пока тот лазил в кусты, раздвигая их заряженным стволом, они спустились в сад и тоже принялись осматривать территорию. В это самое время Душкин стоял возле маленького сарайчика, прижавшись щекой к шершавым доскам, и наблюдал за действиями Шпилюка. И так увлекся, что не услышал, как сзади к нему подкрался беломордый Владик.

Владик же, заметив напряженную спину и ногу, которую Алекс держал на отлете, не стал разбираться, что это за тип в странной красной шапке. Поднял с земли большую дубину, сделал широкий шаг, размахнулся и со всего маху шарахнул Алекса по голове. Пластмассовое ведро ухнуло и наделось тому на голову уже как полагается – плотно и хорошо. Вопреки ожиданиям, Алекс не рухнул на землю, а повернулся к беломордому лицом.

– Ну? – с вызовом спросил он, наступая на него грудью. – И чего это ты сейчас сделал?

Ведро наделось по самые уши, и уши оттопырились в стороны, как у слоненка Дамбо. Из-под нижней кромки сверкали абсолютно сумасшедшие глаза.

– Никто не смеет нападать на меня! Я – самый сильный в стае! – Он размахнулся и провел хороший хук правой, попав Владiku прямо между глаз. Тот упал и отключился. Алекс же задрал голову и разверз рот. Луна, оказавшаяся в поле его зрения, съежилась, предчувствуя недоброе.

В это время Шургин, сгоравший от нетерпения, не выдержал и решил вылезти через окно обратно в сад, чтобы как-то решить вопрос с веревками.

– Не бросайте меня! – воскликнула Диана, почувствовав, что внутри у нее все сжимается от ужаса.

– Перестаньте хныкать, – прикрикнул тот и перебросил ногу через подоконник.

И тут первый всхлип вырвался из горла пленницы. Спазмы начали сотрясать ее тело, она сморщила подбородок, отвесила нижнюю губу и зарыдала в полный голос.

Первым услышал ее рыдания Шпилюк. В два прыжка он очутился под чердачным окном и закричал:

– Вон он! Лезет по стене! Эй, ты, руки вверх!

Шургин, который уже начал спускаться по плющу на землю, молниеносно взлетел обратно и исчез в окне.

– В доме что, находится женщина? – крикнул участковый, и Павлик, который все еще оставался в поле его зрения, от неожиданности подскочил на месте. – Если так, то она в опасности!

Он хотел броситься в дом, но не успел. Нечеловеческий рык, который переполошил всю округу, повторился снова! Прокатившись над садом, он улетел дальше, в космос, и созвездия содрогнулись и рассыпались, поскакав по небу белыми бусинами. Рык был не то чтобы ужаснее прежнего, но гораздо злее и кровожаднее, как будто чудовище уже отведало свежей крови и озверело окончательно.

Клара и Павлик шарахнулись в разные стороны. И только облеченный властью Шпилюк остался стоять на месте, хотя волосы у него на голове шевельнулись, будто живые. В поселке, кроме него, не было ни одного представителя правоохранительных органов. На него, как на единственную надежду, смотрят сейчас рядовые граждане. Он не должен опозориться.

И вот Шпилюк, к руке которого прирос пистолет, сделал два осторожных шага в направлении сарая. Ни звука, ни шороха. Тогда он сделал еще один шаг, вытянул шею и заглянул за угол.

За углом уже стоял Власкин со своей доской наготове. Как только башка участкового появилась в поле его зрения, он плавно отвел доску назад, а потом резко послал вперед. И все увидели, как Шпилюк, отброшенный неведомой силой, вылетел из-за угла сарая и покатился по траве. Раздался выстрел, и пуля из его пистолета угодила в окно. Посыпались стекла, и Клара длинно завизжала.

Воспользовавшись всеобщей паникой, Шургин выполнил-таки свою миссию. Он побывал на первом этаже, отыскал нож и разрезал веревки, которые мешали ему освободить Диану. Пришлось тащить ее на себе, потому что идти она не могла. Перекинув пленницу через плечо, он скатился с крыльца и скрылся в зарослях.

– Давайте спрячемся в кладовке, – дрожащим голосом предложила Клара Павлику, который зыркал глазами по сторонам и причитал:

– Владик, ты где? А? Где ты? Куда ты подевался?

Она взяла его за руку, затащила в дом, втокнула в кладовую под лестницей и закрыла ее на защелку. Потом выбежала обратно в сад и крикнула:

– Дело сделано! Сматываемся!

Раздался многоногий топот, шуршание листвы, хруст сломанных веток, а через некоторое время вдали зашумел мотор автомобиля. Именно в этот момент из своего боевого похода вернулась виноватая Афродита. Преследуя Власкина, она забежала в лес, увидела зайца и, как истинная охотница, отвлеклась от человека и погналась за дичью.

Некоторое время спустя Шпилюк со стоном приоткрыл глаза, увидел над собой страшную морду с оскаленными клыками и снова надолго потерял сознание.

Позже, когда предпринимались попытки расследовать ночной инцидент, он давал путанные показания и подолгу молчал, с трудом формулируя ответы на самые простые вопросы. В конце концов решили, что участковый перенес слишком сильный стресс, чтобы считаться надежным свидетелем. В его показаниях, например, присутствовал следующий пункт: «Перед тем как потерять сознание, я видел мужчину с ведром на голове».

* * *

– Где ваши очки? – спросил Шургин, когда первые несколько километров дороги остались позади. Только теперь он позволил себе сбросить скорость. – И где ваши туфли?

– Н-н-не з-знаю. – Девушка продолжала трястись, как древняя стиральная машина, подключенная к розетке.

Она ни о чем не спрашивала и сидела, сжавшись в комочек. Шургин понимал, что ей нужно оказать первую помощь – растереть руки и ноги, чем-нибудь укрыть, дать воды, успокоить. Но на это не было времени. Лучше поскорее добраться до дома.

– Вы знаете, что случилось с вашим мужем? – спросил он, мечтая о том, чтобы она знала. Ему не хотелось выступать в роли утешителя. Во-первых, ему не было ее жалко: мужа-то она не любила. Во-вторых, Диана Звенигородская – неприступная гора самостоятельности. Пусть подкоп под эту гору делает кто-то другой, Алекс, например.

Гора самостоятельности посмотрела на него затуманенным взором и облизала губы:

– Да, я знаю. Они сказали мне, что его машина взорвалась.

Власкин, который после забега с собакой по лесу совершенно протрезвел, подал реплику:

– Кто взорвал машину?! Вы учтите, если что, я могу разобраться. Слышите, мадам, как вас там?

Алекс ткнул его локтем в бок:

– Потом познакомитесь.

На заднее сиденье им пришлось втиснуться втроем, благо Клара была тощей женщиной и не заняла много места. Несмотря на спешку, она наотрез отказалась садиться рядом с Алексом, хотя, оказавшись соседкой Власкина, не много выиграла. В трезвом виде дикий кабан вел себя, как обычная свинья – постоянно лез к ней с пошлыми предложениями и распускал руки. Шургин желал избавиться от него не менее страстно, чем Клара, поэтому, не задавая лишних вопросов, довез до самого подъезда.

– С нас причитается, – сказал он, выбравшись из машины и хлопнув Власкина по плечу. И, ради справедливости, похвалил: – Ты увел с поля боя самого опасного врага.

Он имел в виду собаку, которая запросто могла откусить кому-нибудь голову или другую симпатичную часть тела.

– И нейтрализовал участкового, – подхватил Алекс. – Если бы ты его не приложил доской, он бы в меня выстрелил. Он вообще мог меня убить.

На прощание дружки обнялись и расстались, страшно довольные друг другом.

– Клара, а вы где живете? – спросил Шургин. – Я вас отвезу, метро еще не работает.

– Ну, уж нет, – сердито возразила она. – Я не оставлю вас одних с этой бедной девушкой. Разве вы сможете как следует о ней позаботиться? Если я правильно понимаю, ее муж находится между жизнью и смертью. Ей нужно отдохнуть, а завтра с утра пойти в милицию и сделать заявление о похищении.

– С законом у нее наверняка возникнут проблемы, – не оборачиваясь, ответил Шургин. – По официальной версии, она попала в автомобильную аварию и сейчас агонизирует в частной клинике. А может быть, уже скончалась.

– Как это? – опешила Клара. И Алекс тоже присоединился к ее недоумению:

– Ты мне ничего не рассказывал.

Теперь, когда «буфер» Власкин исчез, заклятые друзья – Алекс и Клара – сели так далеко друг от друга, как только смогли.

Шургин скосил глаза на Диану и увидел, что она смотрит на дорогу ничего не видящим взглядом. Вероятно, информация не доходила до ее сознания. Клара права, лучше ей остаться с ними. Алекса к предмету его восхищения подпускать нельзя по причине врожденной душев-

ной слепоты, а сам он не умеет возиться с дамочками. Да и желания особого не испытывает. Свой гражданский долг он выполнил – вырвал ее из лап похитителей.

Шургин некоторое время молчал, размышляя, куда, собственно, ее везти. К ней домой? Оставить одну в пустой квартире? Не годится. Вот так всегда! Проявил благородство по отношению к женщине – считай, что принял присягу: теперь тебя надолго поставят под ружье. Он кожей чувствовал, что, когда девица придет в себя, она вцепится в него всеми четырьмя конечностями. А как же? Муж в больнице, на кого ей положиться? А тут такой удобный Шургин под боком. Сам, можно сказать, навязался.

– Клара, вы замужем? – спросил он, бросив взгляд в зеркальце заднего вида.

Она усмехнулась, и лицо ее приобрело печально-комическое выражение.

– Пять лет назад муж сбежал от меня к артистке оперетты. Отличный сюжет для фарса!

– А снова ты что же замуж не вышла? – ехидно спросил Алекс, сузив глаза. – Не смогла никого заарканить?

Клара посмотрела вдаль глазами будущей мудрой старухи и сказала:

– Менять мужей легко, создать одну крепкую семью по-настоящему трудно. – Обращалась она непосредственно к Шургину, а в сторону Алекса даже бровью не повела. И то сказать, стоит ли открывать душу человеку, которого ты недавно собирался пристрелить?

– А дети?

– Дочь уже замужем. Так что дома меня никто не ждет, – проницательно добавила она. – Хотите, я заберу Диану к себе?

– Нет, – коротко ответил Шургин. – Вы не сможете ее защитить. А я полагаю, что защищать ее придется... кому-нибудь.

Клара едва заметно усмехнулась. Это беспомощное «кому-нибудь» повисло в воздухе.

– Я вам все объясню, – нервно добавил он. – Мы с Алексом стали свидетелями ее похищения. Шли, можно сказать, по следам. Вы же понимаете, что мы двое могли объединиться только волей случая.

– А мне наша команда нравится, – немедленно возразил Алекс. – Ты действуешь, как упертый танк, а я подхожу к делу творчески. Вдвоем у нас здорово получается.

– Так куда мы все-таки едем? – спросила Клара, побуждая его вслух признать ту роль, которую он на себя взял.

Шургин вздохнул и коротко ответил:

– Ко мне. – Вспомнил о том, сколько раз они сталкивались с Дианой Звенигородской на глазах у служащих строительной компании Невредимова, и добавил: – У меня ее вряд ли будут искать.

– Значит, ее будут искать...

– Она что-то знает. Вероятно, о деньгах или документах мужа. Иначе она никому не была бы нужна.

– Бедная девочка.

Шургин еще раз посмотрел на пребывавшую в прострации Диану и пробормотал:

– Это как раз то, что следует выяснить в первую очередь – бедная девочка нам попалась или, напротив, очень, очень богатая.

Все попытки избавиться от Алекса окончились неудачей, и Шургин позволил ему занять диван в маленькой комнате. Всего комнат было три, и сам он остался в большой, проходной, а Клара с Дианой поместил в собственной спальне.

Еды в доме не оказалось совсем. Он отправился в круглосуточный магазин через дорогу запастись всякой всячиной, которой, как он полагал, следует кормить женщин. У него в квартире их целых две штуки – с ума можно сойти.

Еще он купил целый мешок принадлежностей для душа. Пришлось купить – куда деваться? Он перенюхал кучу флаконов, полагая, что женщинам требуется что-нибудь такое... душистое. Клара оценила его старания, а Диана не сказала ни слова. Она вообще с ним не разговаривала, только отвечала «да» или «нет». Такое впечатление, будто он обидел ее тем, что спас. Он не удивится, если наутро она предъявит ему какие-нибудь претензии. Женщина помнит о подвигах мужчины пару дней, всю остальную жизнь она ему что-то припоминает.

Шургин умел засыпать в любых обстоятельствах. Вот и теперь, полагая, что завтра придется принимать судьбоносные решения, приказал себе отключиться и отдохнуть. И заснул так крепко, что даже рассердился на будильник, который зазвонил, по его мнению, слишком рано.

Кучка гостей обосновалась на кухне и поела купленные накануне продукты. Девушка, на которую он угробил полдня и почти всю ночь, сидела, задрав подбородок. Подспудно он все-таки ожидал увидеть ее растерянной и даже жалкой. Он думал, что уж свою дурацкую надменность она припрятает подальше. Ничего подобного. Она уже оклемалась и даже без чертовых очков смотрела так, будто ее отделяли от мира два холодные стекляшки.

Слава богу, догадалась начать с благодарности.

– Алекс рассказал мне... про все. Хочу сказать вам спасибо. Не очень-то было приятно сидеть привязанной к стулу и не знать, что тебя ожидает в ближайшем будущем. И вообще. Вы могли этого не делать.

– Нет, не мог, – отрезал тот. – Мне не позволило бы мое чувство порядочности.

– Мистер совершенство! – прокомментировал Алекс, набив рот паштетом.

В халате, который ему одолжил хозяин дома, в вышитых гостевых тапочках, с фарфоровой чашечкой в руке, он выглядел сибаритом.

– Вы собираетесь сообщить об этой истории с похищением журналистам? – напряженно спросила Диана.

– Зачем это? – удивился Шургин, замерев на пути к кипящему чайнику.

– Я думала, современные героини изначально рассчитывают на то, что их подвиги будут освещать пресса.

– Не говорите глупостей, – отрезал он. – На кой черт мне идти к журналистам?

– Алекс сказал мне, кто вы такой, – она дернула одним плечом, как будто его работа вызывала у нее пренебрежение. – Расследуете всякие нарушения на предприятиях. Что-то вроде частного сыщика с экономическим уклоном. Вам наверняка нужна реклама.

Благоразумная Клара молчала, попивая чай и улыбаясь уголками губ. Шургин невольно подумал, что она гораздо приятнее этой карьеристочки, гораздо. Клара не стала бы выяснять отношения наутро после того, как ее вытащили из переделки.

– Успокойтесь ради бога. Вы не нужны мне в качестве рекламного товара. Вы вообще мне не нужны. И я хочу понять, как можно безболезненно от вас избавиться.

– Олег! – громко ахнул Алекс. – Как ты можешь?! Ты шокировал Диану.

Вряд ли он ее шокировал, потому что она только поджала губы, и все. После его слов нормальная девушка должна была вскочить на ноги и начать решительно собираться. Эта не сделала ничего подобного.

– Если я вернусь в квартиру мужа, на меня опять могут напасть, – произнесла она деловым тоном.

Сложенные на коленях ручки не теребили нервно край футболки. Его, кстати, футболки.

– В квартиру мужа? Разве у вас не общий дом? – удивилась Клара. – Вы ведь еще не развелись с ним, если я правильно поняла.

– Не развелись, но разошлись. И я уже подыскала себе жилье. Как раз сегодня собиралась переезжать. Все мои вещи запакованы в коробки.

– Если беломордый Владик побывал у вас, – а я думаю, что он побывал, – то, вероятно, уже не запакованы. – Шургин многозначительно помолчал, а потом бросил ей прямо в лицо короткий вопрос: – Чего они от вас хотели?

Диана посмотрела ему прямо в глаза и отбила подачу:

– Они хотели, чтобы я нашла сокровище.

Самое сильное впечатление ее слова произвели на Алекса. Он перестал двигать челюстями и с трудом проглотил огромный кусок пищи, который успел засунуть в рот и кое-как разжевать.

– Сокровище? – переспросил он, с жадным интересом посмотрев на предмет своих плотских желаний. – Какое сокровище?

– Понятия не имею.

Она была совершенно спокойна. Как будто это не ей угрожала опасность снова быть украденной. Нормальная женщина просто не может иметь такого самообладания. Вероятно, у Дианы Звенигородской не все в порядке с эмоциями.

– Лапочка, но в таком случае *эти люди* от тебя теперь не отстанут, – взволнованно заметила Клара. – Если у вас в семье действительно было нечто ценное...

В глазах карьеристочки мелькнуло сомнение. Шургин это заметил и решил немедленно взять ее за жабры. Не хватало еще, чтобы она утаивала информацию. Только не от него! Рисковать жизнью ради врушки он не станет.

– О чем вы сейчас подумали? – резко спросил он.

Диане так и хотелось встать во весь рост и дать Олегу Павловичу под дых. Бывают же такие типы! Сначала он ее спасает, а потом ведет себя так, будто она не достойна даже толики уважения. Коварная мужская тактика: сначала я сделаю для тебя что-то хорошее, а потом буду этим попрекать. Посажу на крючок и стану манипулировать.

– Так о чем вы подумали? – продолжал допытываться он.

– Я подумала о тех драгоценностях, которые моя бабушка увезла в Америку.

– Отлично, – проворчал Шургин. Сделал себе большую чашку кофе из банки и уселся за стол, втиснувшись между ней и Алексом.

С той секунды, как речь зашла о сокровище, Алекс потерял аппетит. По его физиономии стало ясно, что, если сокровище действительно существует, Диане не поздоровится. Он не просто предложит ей руку и сердце, а всучит их насильно.

– Давайте, – Шургин махнул в сторону Дианы рукой, словно она была певичкой, которая пришла к мэтру на прослушивание. – Давайте-давайте, повествуите о своей бабушке. Чем она там владела?

– Несколькими драгоценными камнями редкой красоты. Моя бабушка жила в Тихорецке вместе со своей старшей дочерью Любой, моей тетей. Десять лет назад бабушка отправилась в Америку проведать родственников и взяла камни с собой. Они достались ей от какого-то поклонника, и она не желала с ними расставаться. Никогда не расставалась. Вывезти их удалось через знакомого ее родственникам дипломата. Дома, у тети, осталась только шкатулка, в которой они до тех пор хранились. Шкатулка украшена фигуркой арлекина, который держит в каждой руке по аметисту. Тетя носила шкатулку к оценщику, он сказал, что аметисты настоящие, но недорогие. Из-за них не стоит копыя ломать. Подлинные сокровища уплыли за границу. В Америке бабушка серьезно заболела и не смогла вернуться домой. Там она и умерла. Камни достались американским наследникам. Доподлинно известно, что наследники продали их коллекционерам.

– А почему ваша тетя не поехала к своей матери в Америку?

– У нее было слабое здоровье, она не могла путешествовать. Да ее бы и не выпустили.

Диана изо всех сил старалась говорить ровным тоном. Еще не хватало сорваться и показать, как этот тип ее бесит. Они столько раз с ним конфликтовали, что у нее должен был выработаться на него иммунитет. Но нет, ничего подобного.

– Что за американские родственники? Вы поддерживаете с ними отношения? – продолжал допрос Шургин.

Он намеренно не сюсюкал с ней. Если Диана раскиснет, они никогда ничего не выяснят.

– Нет. – Она взяла свою чашку и принялась разглядывать то, что осталось внутри. – Ничего о них не знаю. Я и с тетей почти не поддерживала отношений.

– Что означает это ваше «почти»? Почему я должен вытаскивать из вас сведения клещами? Расскажите все толком. – Шургин сделал паузу, и Диана подумала, что он сейчас добавит: «Пожалуйста». Однако он сказал: – Это целиком в ваших интересах.

Диана набрала воздуха в грудь, чтобы выпалить самое главное одним духом. Она не любила об этом говорить.

– Мама и тетя поссорились еще в молодости, потому что тетя вышла замуж за маминого жениха.

Алекс тотчас осуждающе нахмурился, а Клара протянула руку и похлопала свою подопечную по коленке.

– Банальная история, – буркнул Шургин.

– Для вас – возможно, – еще выше вздернула подбородок Диана. – Но не для меня и не для мамы. Мама до самой смерти любила своего... бывшего жениха.

На лице Шургина не мелькнуло ни тени сочувствия. Она решила не обращать внимания на его паршивый характер. Как ни крути, а рассчитывать больше не на кого.

– Бабушка написала мне из Америки несколько писем, – стараясь быть покладистой, объяснила она. – Все мои сведения оттуда.

– А тетя Люба?

– Около месяца назад она умерла. Перед смертью попросила меня приехать. И я отправилась в Тихорецк. Вернее, мы отправились вместе с Денисом. У него там были какие-то дела, и он предложил отвезти меня на машине.

– Какие дела? – с подозрением спросил Шургин. – Если я верно понял, ваш муж владел сетью турагентств. Неужели собирался открывать филиал в Тихорецке? Вряд ли это экономически выгодно.

Диана занервничала:

– На самом деле, я никогда не спрашивала у Дениса о его делах, ни во что не вникала. У нас были... не такие отношения.

Она терпеть не могла рассказывать о своей личной жизни. Да никогда и не рассказывала, кажется. Ее единственная близкая подруга, с которой можно было поделиться душевными переживаниями, вышла замуж за итальянца и навсегда уехала из Москвы.

Алекс, на лице которого появилось преувеличенно сочувственное выражение, взял руку Дианы в свои и легонько пожал.

– Ты в ужасном состоянии, – важно заключил он. – Может быть, тебе лучше поплакать?

– Некогда ей плакать, – перебил его Шургин. – Думаю, с этой поездкой что-то не чисто. Возможно, ваша бабушка вовсе не забирала с собой сокровища в Америку. Или забрала не все. Что-то осталось тут, у ее болезненной дочери Любы. Думаю, из-за этого весь сыр-бор.

Он пытался заставить свою мысль работать четко. Обычно ему никогда и никто не мешал думать. Он мог находиться в шумной компании, на совещании, на дискотеке, где угодно, а мозг его решал поставленную задачу. Сейчас все было по-другому. Ему мешала Клара и ее умный ироничный взгляд, Алекс со своей дурацкой патетикой и эта девица, конечно. В первую очередь она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.